

#правильные_книги

Механизмы радости

ИДЕИ

БРЭДБЕРИ

#правильные_книги

Рэй Брэдбери

Механизмы радости (сборник)

«ЭКСМО»

1964

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Брэдбери Р. Д.

Механизмы радости (сборник) / Р. Д. Брэдбери — «Эксмо»,
1964 — (#правильные_книги)

ISBN 978-5-04-088794-1

У этих механизмов никогда не бывает сбоев. Они вечны, как вечный двигатель и снега на вершине Килиманджаро. Потому что человек, их создавший, – один из лучших в мире выдумщиков небывалых вещей, Рэй Брэдбери, писатель, фантаст, поэт, для которого создавать механизмы радости – такое же привычное ремесло, как для пекаря делать хлеб, а для винодела – вино.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-088794-1

© Брэдбери Р. Д., 1964
© Эксмо, 1964

Содержание

Механизмы радости	6
Тот, кто ждет	16
Tyrannosaurus Rex	21
Каникулы	31
Барабанщик из Шайлоу	36
Ребятки! Выращивайте гигантские грибы у себя в подвалах!	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рэй Брэдбери

Механизмы радости (сборник)

- © Анисимов С., перевод на русский язык, 2017
- © Оганян А., перевод на русский язык, 2017
- © Задорожный В., перевод на русский язык, 2017
- © Жданов Л., перевод на русский язык, 2017
- © Серебряков В., перевод на русский язык, 2017
- © Доброхотова Е., перевод на русский язык, 2017
- © Алексеева Е., перевод на русский язык, 2017
- © ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Механизмы радости

Отец Брайан решил пока не спускаться к завтраку, поскольку ему показалось, что он слышит там, внизу, смех отца Витторини. Витторини, как всегда, трапезовал в одиночестве. Тогда с кем бы он там мог смеяться – или над кем?

«Над нами, – подумал отец Брайан, – вот над кем».

Он снова прислушался.

В своей комнате, которая располагалась в другом конце зала, был погружен в молитвенное созерцание, а точнее сказать, прятался отец Келли.

Они никогда не допускали, чтобы Витторини закончил завтрак, о нет! Они всегда умудрялись присоединиться к нему как раз в тот момент, когда он дожевывал последний кусочек тоста. В противном случае чувство вины не давало бы им покоя весь день.

Тем не менее внизу явственно раздавался смех – или слышалось? Отец Витторини, видно, откопал что-то в утренней «Таймс». А то, чего доброго, он сидел полночи, пребывая в скверном расположении духа и потворствуя собственным причудам, перед этим нечистым демоном – телевизором, стоящим у двери, словно непрошенный гость. И теперь, наверное, в его голове, промытой электронным чудовищем, беззвучно крутились шестеренки и вызревали планы какой-то новой дьявольской каверзы, и он сидел, намеренно постясь и надеясь распалить любопытство соседей звуками своего итальянского веселья и выманить их вниз.

– О Господи! – Отец Брайан вздохнул и повертел в пальцах конверт, который приготовил вчера вечером. Он сунул его под ряску в качестве орудия обороны, если все же решится вручить его пастору Шелдону. Сумеет ли отец Витторини обнаружить конверт сквозь ткань с помощью своих черных, быстрых рентгеновских глаз?

Отец Брайан крепко провел ладонью по груди, чтобы разгладить малейшие складки, которые могли бы выдать его прошение о переводе в другой приход.

– Что ж, пошли! – И, шепча про себя молитву, отец Брайан стал спускаться по лестнице.

– А! Отец Брайан! – Витторини поднял взгляд от полной тарелки с завтраком. Негодник даже еще не удосужился посыпать сахаром свои кукурузные хлопья.

У отца Брайана было такое ощущение, будто он шагнул в пустую шахту лифта. Чтобы спастись, он инстинктивно выставил вперед руку и коснулся телевизора. Тот был еще теплым.

– Вы что же, провели здесь всю ночь?

– Я бодрствовал у телевизора, да.

– Ну конечно, бодрствовали! – фыркнул отец Брайан. – Бодрствуют у одра болящего или усопшего, не так ли? Мне довелось кое-что повидать в жизни, но более безмозглой штуки, чем эта, я не встречал. – Он отвернулся от электронного кретина и внимательно посмотрел на Витторини. – И вы слышали далекие крики и завывания духов на этом, как его?.. Канаверал?

– Запуск отменили в три часа утра.

– И вот вы сейчас сидите здесь, свеженький как огурчик... – Отец Брайан прошел вперед, покачав головой. – Да, мы живем не в самом справедливом мире.

Витторини налил в тарелку молока и тщательно размешивал в нем хлопья.

– А вы, отец Брайан, напротив, выглядите так, словно побывали нынешней ночью на экскурсии в преисподней.

К счастью, в этот момент вошел отец Келли. Увидев, как мало отец Витторини продвинулся со своим завтраком, он будто примерз к полу. Скороговоркой поприветствовал обоих священников, уселся за стол и поглядел на взволнованного отца Брайана.

– Действительно, Уильям, вид у вас весьма неважный. Бессонница?

– Что-то вроде этого.

Отец Келли, склонив голову несколько набок, внимательно оглядел обоих мужчин.

– Что происходит? Может, что-нибудь случилось в мое отсутствие здесь вчера вечером?
– У нас была небольшая дискуссия, – ответил отец Брайан, поигрывая ложкой в тарелке с размокшими хлопьями.

– Небольшая дискуссия! – подхватил отец Витторини. Он чуть было не рассмеялся, однако сдержал себя и сказал просто: – Дело в том, что ирландского священника беспокоит поведение итальянского Папы.

– Полноте, отец Витторини, – сказал Келли.

– Пусть продолжает, – пробурчал отец Брайан.

– Чрезвычайно признателен за ваше любезное разрешение, – очень вежливо ответил Витторини, дружелюбно кивнув ему. – Папа Римский, видите ли, являет собой постоянный источник благочестивого раздражения если не для всех, то по крайней мере для некоторых ирландских священнослужителей. Почему Папу зовут не Нолан? Отчего бы ему не носить зеленую шапочку вместо красной? Почему бы, если уж на то пошло, не перенести собор Святого Петра в Корк или Дублин в двадцать пятом веке?

– Надеюсь, на самом деле никто не говорил именно так? – спросил отец Келли.

– Мне недостает смирения, – произнес отец Брайан. – В своей гордыне я, возможно, и сделал подобное предположение.

– При чем здесь гордыня? И что за предположение?

– Вы слышали, что он только что сказал про двадцать пятый век? – спросил отец Брайан. – Так вот, это когда Флэш Гордон и Бак Роджерс влетают в баптистерий через оконный проем и верующие бросаются к выходу.

Отец Келли вздохнул:

– Ах, господи, опять та самая шутка?

Отец Брайан почувствовал, что кровь прилила к его щекам и они вспыхнули, поэтому он изо всех сил постарался, чтобы она отхлынула к более холодным областям его тела.

– Шутка? Это выходит далеко за рамки простой шутки. Вот уже целый месяц только и слышишь повсюду: «Канаверал то, Канаверал се, траектории, астронавты». Можно подумать, что это Четвертое июля, он по полночи не спит из-за этих ракет! Я, собственно, хочу сказать: ну что это за жизнь теперь, что за карусель каждую ночь с этой машиной-Горгоной, которая стоит у дверей и начисто отшибает у вас все мозги, стоит только взглянуть на нее? Я совершенно не могу спать, потому что чувствую, что вот-вот все в приходе пойдет прахом.

– Да-да, – согласился отец Келли. – А все-таки что это вы там говорили насчет Папы?

– Это не о новом, о предпоследнем, – устало ответил Брайан. – Покажите ему вырезку, отец Витторини.

Витторини замялся.

– Покажите, – настаивал Брайан.

Отец Витторини вынул маленькую газетную вырезку и положил ее на стол.

Даже не переворачивая, отец Брайан прочитал плохие новости:

**«ПАПА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ШТУРМ
КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА».**

Отец Келли вытянул палец и осторожно дотронулся до заметки. Потом взял ее и вполголоса, с выражением прочитал, подчеркивая ногтем каждое слово:

– «ЗАМОК ГАНДОЛЬФО, ИТАЛИЯ, 20 СЕНТЯБРЯ. Сегодня Папа Пий XII дал свое благословение усилиям человечества, направленным на завоевание космического пространства. В выступлении перед делегатами Международного конгресса по космическим полетам понтифик сказал: «Господь не намерен ограничивать человека в его попытках покорить космос».

Четыреста делегатов конгресса, посланцы двадцати двух стран, были приняты Папой в его летней резиденции.

«Этот конгресс, посвященный космическим полетам, имеет огромное значение для нашего времени – начавшейся эпохи исследования человеком космического пространства, – сказал Папа. – Он затрагивает интересы всего человечества... Человеку необходимо приложить немалые усилия, чтобы установить новые отношения с Богом и Его Вселенной».

Отец Келли читал все медленнее и наконец остановился.

– Когда была напечатана эта заметка?

– В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году.

– Неужели так давно? – Отец Келли отложил ее в сторону. – Никогда ее не читал.

– Похоже, – сказал отец Брайан, – что вы и я, отец, вообще читаем не очень много.

– Каждый мог пропустить ее, – ответил Келли, – это совсем крохотная заметка.

– Но в ней заложена очень большая идея, – добавил отец Витторини, всем своим видом демонстрируя хорошее настроение.

– Дело в том, что...

– Дело в том, что, – перебил Витторини, – когда я впервые заявил об этом, правдивость моих слов была подвергнута очень серьезным сомнениям. Теперь мы видим, что я говорил истинную правду.

– Разумеется, – поспешно сказал отец Брайан. – Однако, как заметил наш поэт Уильям Блейк: «Коль правду ты во зло употребил – гнусней лжеца любого поступил».

– Безусловно. – Витторини продолжал излучать дружелюбие. – Но разве не Блейк написал также:

Кто собственным глазам не доверяет
Не верит никогда и никому.
Но Солнце и Луна коль веру потеряют,
Вселенная погрузится во тьму.

– Весьма убедительно, – добавил священник-итальянец, – и очень подходит для космической эры.

Отец Брайан устался на возмутительного спорщика:

– Я был бы вам бесконечно благодарен, если бы вы не цитировали нам нашего Блейка.

– Вашего Блейка? – спросил стройный бледный мужчина с волнистыми темными волосами. – Странно. Я всегда был убежден, что он англичанин.

– Поэзию Блейка, – сказал отец Брайан, – очень любила моя мать. И именно она рассказывала мне, что у него была ирландская кровь по материнской линии.

– Искренне признателен вам за столь ценные для меня сведения, – поблагодарил отец Витторини. – Однако же вернемся к газетной заметке. Теперь, когда мы ее наконец разыскали, не пора ли нам поподробнее ознакомиться с энцикликой Пия Двенадцатого?

Отец Брайан, осторожность которого была его второй натурой, недоверчиво спросил:

– Что же это за энциклика?

– Позвольте, та самая – о космических путешествиях.

– Он не мог написать этого!

– Тем не менее написал.

– О космических полетах! Специальная энциклика?

– Совершенно верно, специальная.

Оба священника-ирландца чуть было не попадали с кресел – настолько сильным оказался для них этот удар.

Отец Витторини делал движения, как человек, приводящий в порядок свой костюм после взрыва: сощелкнул пылинку с рукава, стряхнул волосок, подобрал две-три хлебные крошки со скатерти.

– Неужели недостаточно было того, – проговорил отец Брайан упавшим голосом, – что он пожал руки этой шайке астронавтов, сказал им, дескать, молодцы, ребята, и все такое, но ему показалось мало, и он обо всем этом еще и написал?

– Этого было недостаточно, – подтвердил отец Витторини. – Он, как я слышал, пожелал подробно изложить свои взгляды относительно проблем жизни на других планетах и влияния этого феномена на христианский образ мышления.

После каждого из этих слов, произнесенных очень отчетливо, двое других мужчин все дальше откидывались назад в своих креслах.

– Вы слышали? – прошептал отец Брайан. – А вы сами это еще не читали?

– Еще нет, но я намереваюсь...

– Вы много вещей намереваетесь сделать, и отнюдь не самых лучших. Иногда, отец Витторини, – и мне крайне неприятно говорить это, – ваши речи звучат совершенно неподобающим для священнослужителя католической церкви образом.

– Я говорю, – парировал Витторини, – как итальянский священник, пытающийся сохранить поверхностное натяжение церковного болота, где я по воле Божьей оказался в окружении огромного стада клерикалов по имени Шонесси, и Налти, и Фланнери, значительно превосходящих меня по численности, которые начинают панически метаться по кругу, словно карибу или бизоны, стоит мне лишь шепнуть: «Папская булла».

– Теперь я уже несколько не сомневаюсь, – тут отец Брайан скосил глаза в ту сторону, где, по его представлению, должен располагаться Ватикан, – что вы собственноручно, окажись вы там, втянули бы святого отца во все это дуракаваляние с космическими путешествиями.

– Я?

– Вы! Разве не вы – не мы же, в конце концов, – наташили сюда целый грузовик журналов с космическими кораблями на глянцевых обложках и нечистыми зелеными шестиглазыми чудовищами о семнадцати манипуляторах, которые гонятся за полураздетыми девицами на какой-то там луне? Это вы – я своими ушами слышал – вместе со своим бесовским телевизором среди ночи ведете отсчет: десять, девять, восемь – и до единицы. А мы лежим и трясемся от страха так, что у нас пломбы из зубов вылетают. Вы, два итальянца – один здесь, а другой в замке Гандольфо – прости меня, Господи! – умудрились парализовать все ирландское духовенство!

– Успокойтесь! – сказал наконец отец Келли. – Вы оба.

– Успокоюсь. Так или иначе, но я обрету покой, – сказал отец Брайан, доставая из кармана конверт.

– Уберите, – приказал отец Келли, предчувствуя, что может там содержаться.

– Пожалуйста, передайте это от моего имени пастору Шелдону.

Отец Брайан тяжело поднялся и обвел глазами комнату, отыскивая дверь, чтобы уйти. И быстро вышел.

– Вот, полюбуйте, что вы наделали, – сказал отец Келли.

Отец Витторини, искренне потрясенный, перестал есть.

– Но, святой отец, я все время полагал, что это не более чем дружеская дискуссия: он выдвигал свои аргументы, а я – свои, он горячился, я же возражал со всей возможной мягкостью.

– Видите ли, ваша перепалка слишком затянулась, и забавный словесный поединок принял серьезный оборот, – сказал Келли. – Ах, вы не знаете Уильяма так, как его знаю я. Вы ведь и впрямь глубоко ранили его.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы загладить...

– Лучше брюки свои погладьте! И не путайтесь под ногами, я сам все постараюсь устроить. – Отец Келли схватил со стола конверт и посмотрел через него на свет. – Рентген скорбящей души. Ах ты господи.

Он поспешно поднялся наверх.

– Отец Брайан? – позвал он. Немного помедлив, постучал в дверь. – Отец? Уильям?

Отец Витторини, снова оказавшийся один в столовой, вспомнил о нескольких последних хлопьях, так и оставшихся у него во рту. Они были совершенно безвкусными. И ему понадобилось довольно много времени, чтобы их проглотить.

Только после ланча отцу Келли удалось в маленьком садике за домом загнать в угол отца Брайана и всунуть ему обратно в руки конверт.

– Уилли, я хочу, чтобы ты порвал это. Я не позволю тебе уйти с поля в середине игры. Сколько времени все это между вами продолжается?

Отец Брайан вздохнул и взял конверт, однако не порвал его.

– Все подкралось к нам как-то незаметно. Поначалу я ему читал ирландских писателей, а он пел мне итальянские оперы. Потом я рассказывал ему о Евангелии Келлза в Дублине, а он просвещал меня насчет Ренессанса. Слава Богу, что он раньше ничего не говорил о папской энциклике, посвященной этим – будь они прокляты – космическим полетам, а не то я бы ушел в монастырь, где отцы по обету хранят молчание. Только я боюсь, что даже туда он бы за мною последовал и стал бы жестами отсчитывать время до старта на Канаверале. Из этого человека получился бы великолепный «адвокат дьявола»!

– Отец!

– Потом я наложу на себя епитимью. Все дело в том, что он настоящий акробат, жонглер, он играет догматами церкви, как цветными мячиками. Конечно, это очень интересное зрелище, но я настаиваю на том, чтобы не смешивать скомороха с истинно верующими, как вы и я! Простите меня за гордыню, отец, однако же мне представляется, что основная тема должна иметь различные вариации, когда ее исполняют на пикколо или, как мы, на арфе. Вы согласны со мной?

– Сие есть таинство, Уилл. И мы, служители церкви, должны являть мирянам пример того, как тут следует поступать.

– Интересно, а отцу Витторини кто-нибудь это говорил? Давайте смотреть правде в лицо: ведь итальянцы – это ротарианский клуб церкви. Нипочем не поверю, что хоть один из них мог бы остаться трезвым во время Тайной Вечери.

– Любопытно, а ирландец смог бы? – пробормотал отец Келли.

– По крайней мере, мы дождались бы, пока она закончится.

– Ну вот что, мы священники или кто? Что мы здесь стоим и толкуем о каких-то пустяках? Не лучше ли попробовать отбрить Витторини его же собственной бритвой? Уильям, у вас нет никакого плана?

– Может, пригласить сюда баптиста в качестве посредника?

– Да ну вас с вашим баптистом! Вы проштудировали энциклику?

– Энциклику?

– Вы что же, после завтрака так и стояли соляным столпом? И никуда не ходили!.. Давайте-ка почитаем этот эдикт о космических полетах! Как следует изучим его, выучим наизуток, а потом контратакуем поборника ракет на его же собственной стартовой площадке! Так что идемте в библиотеку. Как там кричит современная молодежь? Пять, четыре, три, два, один, пуск! Так, что ли?

– Более или менее так.

– Ну, тогда за мной!

При входе в библиотеку они столкнулись с пастором Шелдоном, который оттуда выходил.
– Бесплезно, – сказал, улыбаясь, пастор, когда увидел их разгоряченные лица. – Вы ее там не найдете.

– Чего мы там не найдем? – Отец Брайан заметил, что пастор смотрит на письмо, которое он все еще сжимал в руке, и быстро спрятал его. – Не найдем чего, сэр?

– Ракетный корабль несколько великоват для нашей скромной обители, – ответил пастор, делая не очень-то удачную попытку говорить загадками.

– Неужели итальянец уже успел нажаловаться? – воскликнул в смятении отец Келли.

– Отнюдь нет, однако в здешних местах слухи имеют свойство очень быстро распространяться. Я приходил сюда, чтобы кое-что проверить лично.

– В таком случае, – с облегчением вздохнул Брайан, – вы на нашей стороне?

Глаза пастора Шелдона как-то погрузтели:

– А в данном вопросе существуют какие-нибудь стороны, святые отцы?

Втроем они вошли в маленькую комнату библиотеки, где отец Брайан и отец Келли в неловких позах пристроились на краешках жестких стульев. Пастор Шелдон, видя, как им неудобно, остался стоять.

– Итак. Почему вы боитесь отца Витторини?

– Боимся? – Отец Брайан изобразил удивление и мягко воскликнул: – Правильнее было бы сказать, что мы сердимся!

– Одно влечет за собой другое, – признал Келли и продолжал: – Видите ли, пастор, дело главным образом заключается в том, что какой-то тосканский городишко мечет камни в Мейн-нот, который, как вам известно, всего в нескольких милях от Дублина.

– Я – ирландец, – терпеливо сказал пастор.

– Да, это так, пастор. И тем больше у нас оснований недоумевать, почему вы храните столь великое спокойствие среди этого бедствия? – сказал отец Брайан.

– Я – калифорнийский ирландец, – ответил пастор.

Он подождал, пока они проглотят его слова. Когда наконец до них дошел их смысл, отец Брайан с несчастным видом пробормотал:

– Ах да. Мы совершенно забыли.

Он посмотрел на пастора и увидел смуглое, покрытое свежим загаром лицо человека, который даже здесь, в Чикаго, всегда ходил с поднятой к небу, словно подсолнечник, головой, чтобы получить как можно больше света и тепла, столь необходимых его организму. Перед ним стоял мужчина, под рясой которого все еще угадывалась фигура теннисиста, его длинные сильные руки выдавали мастера по гандболу. А когда на кафедре во время проповеди он взмахивал руками, то очень легко можно было представить себе, как он, рассекая волны, плывет под горячим калифорнийским небом.

У отца Келли вырвался смешок.

– Ох, неисповедимы пути Господни. Отец Брайан, да вот же он, ваш баптист!

– Баптист? – удивился пастор Шелдон.

– Не обижайтесь, пастор. Просто мы отправились было искать посредника и встретили вас, ирландца из Калифорнии, который еще настолько не освоился с зимней стужей Иллинойса, что, глядя на вас, невольно думаешь о подстриженных кортах и январском солнцепеке. Мы-то сами родились и выросли на холодных камнях Корка и Килкока, пастор. И не оттаем, прожив двадцать лет в Голливуде. А теперь послушайте, ведь говорят – разве не так? – что Калифорния очень... – он сделал паузу, – похожа на Италию?

– Я вижу, куда вы клоните, – проговорил отец Брайан.

Пастор Шелдон кивнул, на лице у него по-явилось теплое и одновременно грустное выражение. Он сказал:

– Во мне течет та же кровь, что и в вас. Но климат, в котором я сформировался, похож на климат Рима. Так что видите, отец Брайан, спрашивая, есть ли здесь какие-нибудь стороны, я говорил то, что мне подсказывало сердце.

– Ирландец и в то же время не ирландец, – прошептал отец Брайан. – Почти что итальянец, но не совсем. Ох, ну и шутки же играет с нашей плотью этот мир.

– Только с нашего позволения, Уильям, Патрик.

Оба священника были несколько удивлены, услышав свои имена.

– Вы все же так и не ответили: почему вы боитесь?

Руки отца Брайана начали беспокойно мять одна другую.

– Понимаете ли, это из-за того, что в то самое время, когда на Земле все более или менее устроилось, когда, похоже, победа уже не за горами, когда святая церковь утвердилась на надежном основании, – вдруг появляется отец Витторини...

– Простите меня, отец, – перебил его пастор. – Появляется реальность. Появляются пространство, время, энтропия, прогресс, появляется еще миллион вещей, и так всегда. Отец Витторини не изобретал космических полетов.

– Нет, конечно. Но он радуется этому. Благодаря ему «все начинается с мистики, а кончается политикой». Ну да ладно. Я готов спрятать свою боевую палицу, если он уберет свои ракеты.

– Нет, пусть и то, и другое останется на виду, – возразил пастор. – Лучше не скрывать ни оружия, ни особых средств передвижения. Лучше с ними работать. Почему бы нам не залезть в эту ракету и не научиться чему-нибудь новому?

– Чему научиться? Что бо́льшая часть из того, о чем мы в прошлом проповедовали на Земле, не подходит ни для Марса, ни для Венеры – или я уж не знаю, куда там, к дьяволу, Витторини нас запустит? Изгнать Адама и Еву из какого-нибудь нового Эдема, скажем, на Юпитере, с помощью пламени наших собственных ракет? Или, еще лучше, выяснить, что не существует ни рая, ни Адама, ни Евы, ни проклятого яблока, ни змия, ни грехопадения, ни первородного греха, ни благовещения, ни непорочного зачатия, ни Сына – можете сами продолжать список, – нет вообще ничего, только погибающие миры сменяют друг друга? Это и есть то, чему мы должны научиться, пастор?

– Если в том возникнет необходимость, то да, – ответил пастор Шелдон. – Это Божья Вселенная и Господни миры во Вселенной, отец. Не следует пытаться взять с собой наши храмы, если все, что нам нужно, – дорожный саквояж. Церковь можно уложить в ларец, где будет лишь потребное для отправления мессы – ковчежец не больший, чем в состоянии унести эти руки. И оставьте это отцу Витторини – народы южных широт давным-давно научились строить из воска, который тает и принимает формы, соответствующие побуждениям и потребностям человека. Уильям, Уильям, ежели вы настаиваете на том, чтобы строить из твердого льда, то возведенное рассыплется, когда мы преодолеем звуковой барьер, или растает, не оставив и следа, в пламени ракетных двигателей.

– Этому, – сказал отец Брайан, – нелегко учиться в пятьдесят лет, пастор.

– Однако надо, и я знаю, у вас это получится. – Пастор тронул его за плечо. – Даю вам поручение: помириться с итальянским священником. Найдите сегодня же вечером какой-нибудь способ для взаимного понимания. Приложите все свои силы, отец. А когда исполните это, поскольку наша библиотека уж очень мала, поохотьтесь и разыщите космическую энциклопедию, чтобы мы хотя бы знали, из-за чего разгорелся весь сыр-бор.

И пастор тут же ушел.

Отец Брайан прислушался к удаляющимся шагам быстрых ног – словно белый мяч высоко взмыл в нежно-голубое небо и пастор кинулся, чтобы в изящном броске перехватить его.

– Ирландец – и в то же время не ирландец, – задумчиво сказал он. – Почти, но не совсем итальянец. Ну а мы-то с тобой кто, Патрик?

– Я что-то начал сомневаться, – ответил тот.

И они направились в более фундаментальное книгохранилище, где могли таиться глобальные воззрения Папы относительно большей Вселенной.

Намного позже ужина, в сущности, совсем незадолго до того времени, когда пора отходить ко сну, из библиотеки вернулся отец Келли. Он ходил по дому, открывал двери и что-то шептал.

Около десяти часов отец Витторини спустился вниз и застыл с открытым от удивления ртом.

У нерастопленного камина стоял отец Брайан и грелся около маленького газового обогревателя. Некоторое время священник не оборачивался.

Комната была прибрана, а ненавистный телевизор переместился вперед и стоял в окружении четырех кресел и двух табуретов, на которые Брайан водрузил две бутылки и четыре стакана. Все это он сделал сам, не разрешив Келли помогать ему. Сейчас он повернулся, потому что в комнату входили Келли и пастор Шелдон.

Пастор стоял у входа и осматривал комнату.

– Великолепно, – констатировал он. Потом, несколько помедлив, добавил: – Дайте-ка мне подумать... – Он прочитал этикетку на одной из бутылок. – Отец Витторини будет сидеть здесь.

– Около «Айриш Мосс»? – спросил Витторини.

– Я тоже, – сказал отец Брайан.

Витторини с очень довольным видом уселся в кресло.

– Ну а мы расположимся поблизости от «Лакрима Христа». Нет возражений? – сказал пастор.

– Это итальянское вино, пастор.

– Сдается мне, что я о нем кое-что слышал, – сказал пастор и сел.

– Вот так. – Отец Брайан торопливо привстал и, не глядя на Витторини, щедро плеснул себе в стакан «Айриш Мосс». – Ирландское возлияние.

– Позвольте мне. – Витторини кивнул в знак благодарности и поднялся, чтобы налить присутствующим напитки. – Слезы Христа и солнце Италии... А сейчас, прежде чем мы выпьем, мне хотелось бы кое-что сказать.

Присутствующие в ожидании глядели на него.

– Папской энциклики о космических полетах, – наконец произнес он, – не существует.

– Мы обнаружили это, – вставил Келли, – несколько часов назад.

– Простите меня, святые отцы, – продолжал Витторини. – Я похож на рыболова, сидящего на берегу. Когда он видит рыбу, то кидает в воду приманку. Я все время подозревал, что энциклики нет. Но всякий раз, когда этот вопрос всплывал и обсуждался в городе, я постоянно слышал, как священники из Дублина отрицают ее существование. И я подумал: она должна быть! Ведь они не пойдут проверять, так это или нет, потому что боятся обнаружить ее. Я же, в гордыне своей, не буду исследовать этот вопрос, поскольку боюсь, что ее нет. Так что в чем, собственно, разница между римской гордыней и гордыней Корка?.. Я намерен отступить и буду хранить молчание целую неделю. Пастор, прошу наложить епитимью.

– Хорошо, отец, хорошо. – Пастор Шелдон встал. – А теперь и я хочу сделать заявление. В следующем месяце сюда приезжает новый священник. Я долго размышлял над этим. Он итальянец, родился и вырос в Монреале.

Витторини прищурил один глаз и попытался представить себе прибывающего.

– Церковь – это полнота всех вещей для всех людей, – продолжал пастор, – и меня очень занимает мысль, каким может быть человек с горячей кровью, выросший в холодном климате,

как наш новый итальянец. Впрочем, этот случай так же интересен, как и мой собственный: холодная кровь, воспитанная в Калифорнии. Нам тут не помешал бы еще один итальянец, чтобы растормошить здешнюю публику; и этот латинянин, похоже, из таких, кто может встряхнуть даже отца Витторини. Ну а теперь кто-нибудь хочет предложить тост?

– Пастор, разрешите мне, – снова встал отец Витторини. Он добродушно улыбался и переводил сверкающий взгляд по очереди на всех присутствующих. – Не Блейк ли говорил где-то о механизмах радости? Другими словами, разве не Господь создал окружающую среду, затем ограничил Силы Природы, дав возможность развиться плоти, возникнуть мужчинам и женщинам – крохотным куколкам, каковыми мы все являемся? И затем в неизреченной всеблагости и премудрости своей послал нас вперед к мирным и прекрасным пределам. Так разве мы не Господни механизмы радости?

– Если Блейк такое говорил, – сказал отец Брайан, – то я забираю свои слова назад. Он никогда не жил в Дублине!

Все рассмеялись.

Витторини пил «Айриш Мосс» и был, соответственно, весьма немногословен. Остальные пили итальянское вино и преисполнялись добродушия, а отец Брайан в приступе сердечности воскликнул:

– Витторини, а почему бы вам не включить, хоть это и не по-божески, этого демона?

– Девятый канал?

– Именно девятый!

И пока Витторини крутил ручки, отец Брайан, задумчиво глядя поверх своего стакана, спрашивал:

– Неужели Блейк действительно говорил такое?

– Важно то, святой отец, – отвечал ему Витторини, склонившись к призракам, мелькавшим на экране, – что он вполне мог так сказать, если бы жил сегодня. А это я сочинил сам сегодня ночью.

Все посмотрели на итальянца чуть ли не с благоговением. Тут телевизор кашлянул, и изображение стало четким; на экране где-то вдалеке возникла ракета, готовая к старту.

– Механизмы радости, – сказал отец Брайан. – А вот этот, который вы сейчас настраиваете? И тот, другой, вон там – ракета на стартовой площадке?

– Они вполне могут ими стать сегодня ночью, – прошептал Витторини, – если эта штука вместе с человеком, который в ней сидит, поднимется, и человек останется жив, и облетит всю планету, а мы – вместе с ним, хотя мы просто смотрим телевизор. Это действительно будет огромной радостью.

Ракету готовили к взлету, и отец Брайан на миг закрыл глаза.

«Прости мне, Иисус, – думал он, – прости старику его гордыню, и прости Витторини его язвительность, и помоги мне постигнуть то, что я вижу сегодня вечером, и дай мне бодрствовать в веселии духа, если понадобится, до рассвета, и пусть эта штуковина благополучно поднимется и спустится, и не оставь помыслами Своими раба Своего в той штуковине, спаси его, Господи, и сохрани. И помоги мне, Господи, тогда, когда придет лето, ибо неизбежно, что вечером Четвертого июля Витторини с детишками со всего квартала на нашей лужайке станут запускать ракеты. Все они будут смотреть в небо, словно настал Судный день, и тогда помоги мне, Всемогущий, быть таким, как те дети, пред великим концом времени и той пустотой, где Ты пребываешь вовеки. И помоги мне, Боже, в вечер праздника Независимости выйти, и запустить свою ракету, и стоять рядом с отцом-латинянином с выражением детского восторга от сверкающего великолепия».

Он открыл глаза.

Ветер времени доносил с далекого мыса Канаверал голоса. Очертания странных призраков неясно вырисовывались на экране.

Отец Брайан допивал остатки вина, когда кто-то осторожно тронул его за локоть.

– Отец, – сказал Витторини, приблизив губы к его уху, – пристегните ремень.

– Непременно. Непременно. И – большое спасибо.

Он откинулся в кресле. Закрыв глаза. Он ждал, когда вспыхнет пламя и раздастся гром. Он ждал толчка и голоса, который научит его дурацкой, странной, нелепой и чудесной вещи: обратному счету, все время задом наперед... до нуля.

Тот, кто ждет

Я живу в колодце. Я живу в колодце, как дымок. Словно дымка в каменной горловине. Я неподвижен. Я ничего не делаю. Я только жду. У себя над головой я вижу холодные ночные и утренние звезды. И солнце я вижу. Время от времени я пою древние песни нашего мира, той поры, когда он был еще совсем юным. Как я могу сказать вам, кто я такой, если я и сам не знаю. Никак не могу. Я просто жду. Я туман, я лунный свет, я память. Я стар и печален. Иногда я проливаюсь в колодец дождем. По воде, в которую падают дождевые капли, мгновенно паутинкой разбегается рябь. Я жду в прохладном безмолвии, но настанет день, когда моему ожиданию настанет конец.

Сейчас утро. Я слышу оглушительный грохот. Я обоняю пламя вдалеке. Я слышу металлический скрежет. Я жду. Я прислушиваюсь.

Голоса. Где-то в отдалении.

– Порядок!

Один голос. Говорит чужак. На неведомом языке, которого мне не дано знать. Ни единого понятного слова. Я обращаюсь в слух.

– Выпускайте людей!

Хрустят кремнистые пески.

– Марс! Так вот он какой!

– Где флаг?

– У меня, сэр.

– Отлично, отлично.

Солнце светит в синей вышине; золотые лучи играют на стенах колодца, и в теплом свечении я начинаю парить, как незримая и расплывчатая цветочная пыльца.

Голоса.

– Именем Правительства Земли я провозглашаю сию местность Марсианской Территорией, которая будет поровну поделена между странами-участницами.

Что они говорят? На солнце я вращаюсь, словно колесо, невидимый и ленивый, золотистый и неутомимый.

– Что там такое?

– Колодец!

– Не может быть!

– Да вот же он!

Приближается нечто теплое. Три создания перегибаются через устье колодца, и моя прохлада возносится им навстречу.

– Великолепно!

– Думаете, можно пить?

– Сейчас узнаем.

– Кто-нибудь, сбегайте за склянкой и тросом.

– Я мигом!

Шаги удаляются. Возвращаются.

– Вот.

Я жду.

– Опускайте, потихоньку.

На веревке медленно опускается, бросая отблески, стекло.

Как только бутылка касается поверхности и наполняется, вода начинает колыхаться. Сквозь теплый воздух я поднимаюсь к оголовку колодца.

– Готово. Хотите снять пробу, Риджент?

– Охотно.

– Какой красивый колодец. Взгляните на это сооружение! Интересно, сколько ему лет?

– Бог его знает. Вчера, когда мы совершили посадку в соседнем городке, Смит сказал, что на Марсе уже десять тысяч лет как нет жизни.

– Подумать только!

– Ну, как она, Риджент, вода-то?

– Чистое серебро. Хотите стаканчик?

В горячем солнечном свете журчит вода. Теперь я раскачиваюсь, как завеса пыли или корицы на волнах ласкового ветерка.

– Что с тобой, Джонс?

– Не знаю. Голова раскалывается. Ни с того ни с сего.

– Ты пил эту воду?

– Еще нет. Она тут ни при чем. Я просто перегнулся через край колодца, а голова как затрещит. Теперь полегчало.

Теперь я знаю, как меня зовут.

Я – Стивен Леонард Джонс. Мне двадцать пять лет, и я только что прилетел на ракете с планеты, именуемой Земля. Я стою с моими верными друзьями Риджентом и Шоу возле древнего колодца на планете Марс.

Я смотрю на свои сильные пальцы, позолоченные солнечным загаром. Я смотрю на свои длинные ноги, на серебристую униформу и товарищей.

– Джонс, тебе плохо? – спрашивают они.

– Пустяки, – отвечаю я, глядя на них. – Ничего страшного.

Пища вполне съедобна. Десять тысяч лет минуло с тех пор, как я последний раз ел. Еда ласкает кончик языка, а вино вкупе с кушаньем еще и согревает. Я прислушиваюсь к звучанию голосов. Я произношу слова, которые мне и непонятны, и каким-то образом понятны. Я потягиваю носом воздух.

– В чем дело, Джонс?

Я склоняю голову и опускаю руки, держащие серебристые приборы для приема пищи. Я все ощущаю.

– О чем это ты? – произносит голос, которым я только что обзавелся.

– Ты как-то странно дышишь и откашливаешься, – говорит мой собеседник.

Я внятно и членораздельно выговариваю слова:

– Наверное, легкая простуда.

– Зайди потом к врачу.

Я киваю, и это доставляет мне удовольствие. Мне нравится выполнять различные движения, впервые за десять тысяч лет. Приятно вдыхать воздух, отрадн ощущать, как солнце все глубже проникает в мою плоть, а изящный костяк слоновой кости, запрятанный в мое теплеющее нутро, приводит меня в восторг, и как хорошо, что звуки стали гораздо яснее и ближе, чем в каменном колодезном чреве. Я сию, замороженный.

– Джонс, приди в себя. Пошевеливайся. У нас полно работы.

– Да, – говорю я, очарованный тем, как на увлажненном кончике языка возникает слово и с изысканной красотой отлетает в воздух.

Я шагаю, и ходьба меня радует. Я стою в полный рост и, из глазниц, проделанных в моей голове, вижу, как высоко я возвышаюсь над землей. Словно живу на стройной скале и блаженствую.

Риджент стоит, заглядывая в каменный колодец. Остальные удаляются, переговариваясь вполголоса, к серебристому кораблю, из которого вышли.

Я ощущаю пальцы руки и улыбку на губах.

– Глубокий, – говорю я.

– Да уж.

– Это – «Кладезь Духа».

Риджент поднимает голову и глядит на меня.

– С чего ты взял?

– Разве не похож?

– Никогда не слыхивал ни про какой «Кладезь Духа».

– Место ожидания, где те, кто некогда обладал плотью, дожидаются своего часа, – говорю я, прикасаясь к его плечу.

Песок – словно огнедышащие угли, а корабль в полуденном зное – будто пламенеющее серебро, и я наслаждаюсь жарой. Раздаются звуки моих шагов по хрусткому песку. Я прислушиваюсь. Шумит ветер. Солнце выжигает равнины. Я обоняю запах ракеты, закипающей на солнцепеке. У меня над головой входной люк.

– Где Риджент? – спрашивает кто-то.

– Я видел его возле колодца, – отвечаю я.

Кто-то побежал к колодцу. Меня охватывает дрожь. Мелкая, глубинная, постепенно нарастающая дрожь. И я впервые ее слышу, словно она тоже пряталась в колодце. Голосок, вызывающий из моего нутра, тоненький и боязливый, кричит:

– Выпусти меня, выпусти меня!

И такое ощущение, будто нечто пытается высвободиться, колотится в двери лабиринта, мечется по мрачным ходам и коридорам, издает вопли, вызывая эхо.

– Риджент в колодце!

Все бегут. Все пятеро. И я бегу, но теперь уже мне нездоровится и меня сильно знобит.

– Он, наверное, упал. Джонс, ты же был рядом с ним. Ты видел? Джонс? Да не молчи же ты!

– Что с тобой происходит, Джонс?

Меня так безудержно трясет, что я падаю на колени.

– Он болен. Помогите мне с ним справиться.

– Солнце.

– Нет, не солнце, – бормочу я.

Они укладывают меня на землю, и судороги пробегают по моему телу, словно землетрясения, и глубоко запрятанный во мне голос кричит:

– Джонс – это я, я. А не он. Не он. Не верьте ему. Вытащите меня! Вытащите меня отсюда!

И я смотрю вверх на фигуры, склонившиеся надо мной, и мои глаза сверкают. Люди прикасаются к моим запястьям.

– Сердце у него барахлит.

Я смежил веки. Крики прекратились. Дрожь улеглась.

Я встаю, словно в прохладном колодце, свободный.

– Он умер, – сказал кто-то.

– Джонс умер.

– От чего?

– Похоже на шок.

– Какой такой шок? – говорю я, и вот уже меня зовут Сешнс, мои губы шевелятся уверенно, и отныне я командую этими людьми. Я стою среди них и разглядываю тело, остывающее на песке. Обеими ладонями я хлопаю себя по голове.

– Командир!

– Ничего страшного, – выкрикиваю я. – Просто головная боль. Сейчас пройдет. Вот. Уже, – шепчу я. – Прошла.

– Вам лучше избегать солнца, сэр.

– Да, – говорю я, глядя на Джонса. – Нельзя было нам сюда прилетать. Марсу мы не по нраву.

Мы относим тело к ракете, и новый голос из моих глубин начинает требовать вызволения.

– На помощь! Помогите! – это где-то глубоко, во влажных недрах тела. – На помощь! Помогите! – доносятся из кровеносных горизонтов мольбы и стенания.

На этот раз приступ озноба настиг меня гораздо раньше. Держать себя в руках стало труднее.

– Командир, вам лучше отойти в тень. Вы неважнецки выглядите, сэр.

– Да, – говорю я. – Помогите, – говорю я.

– Как вы сказали, сэр?

– Я ничего не говорил.

– Сэр, вы сказали «помогите».

– Неужели, Мэтьюс? Разве?

Тело уложено в тени ракеты, и голос истошно вопит в подводных катакомбах скелета, в алых приливах и отливах. Руки у меня трясутся. Рот перекошен и пересох. Ноздри раздуваются. Глаза вылезают из орбит. *Помогите! Помогите! О! Помогите! Нет! Нет! Выпустите меня! Нет! Нет!*

– Нет, – говорю я.

– Что, сэр?

– Ничего, – говорю я. – Мне нужна свобода, – говорю я.

Я хлопаю себя ладонью по губам.

– Как это понимать, сэр? – восклицает Мэтьюс.

– Все на борт. Все до единого. Возвращайтесь на Землю! – кричу я.

У меня в руке пистолет. Я поднимаю его.

– Не-е-ет, сэр!

Разрыв. Мелькающие тени. Крик словно отсекло. Свист падения в пространстве.

Как хорошо умереть через десять тысяч лет! Как сладостно – ощутить внезапное наступление прохлады и покоя! Как приятно ощущать себя рукой, которую вытянули из перчатки и чудодейственным образом охлаждают в горячем песке. О, как тихо и красиво сгущается мрак смерти. Но долго так продолжаться не может.

Щелчок, треск.

– Боже! Он застрелился! – кричу я и открываю глаза.

И командир лежит напротив ракеты. Череп раздроблен пулей. Глаза навывкате. Язык вывалился сквозь белые зубы. Из головы струится кровь. Я склоняюсь над ним и прикасаюсь к нему.

– Глупец, – говорю я. – Зачем он это сделал.

Люди объаты ужасом. Они обступили двоих мертвецов, повернув головы, чтобы увидеть марсианские пески и колодец, в глубине которого волны качают Риджента. Их обветренные губы исторгают хрипы и скорбные вопли, по-детски жалуясь на этот кошмарный сон.

Они оборачиваются ко мне.

После долгого молчания один из них говорит:

– Мэтьюс, теперь ты командир.

– Я знаю, – медленно говорю я.

– Нас осталось всего шестеро.

– Боже, все случилось так быстро!

– Я не хочу здесь оставаться. Давайте уберемся отсюда!

Люди ропщут. Я подхожу к ним и прикасаюсь к каждому из них с уверенностью, от которой мне хочется запеть.

– Послушайте, – говорю я, беря каждого из них за локоть, за плечо или руку.

Мы все умолкаем.

Мы – единое целое.

– *Нет, нет, нет, нет, нет, нет!* – возопили внутренние голоса из своих темниц под внешней оболочкой.

Мы смотрим друг на друга. Мы – это Самуэль Мэтьюс, Раймонд Мозес, Уильям Сполдинг, Чарльз Эванс, Форрест Коул и Джон Саммерс. И ничего не говорим, а только смотрим друг на друга, на свои бледные лица и трясущиеся руки.

Мы как один поворачиваемся и смотрим на колодец.

– А теперь, – говорим мы.

– *Нет, нет!* – вскрикнули шесть голосов, упрятанных навечно под слоями и складками.

Наши ступни зашагали по песку, напоминая ручищу с дюжиной пальцев, влекомую по раскаленному морскому дну.

Мы склоняемся над колодцем, заглядывая внутрь. Из прохладных глубин на нас пристально смотрят шесть лиц.

Один за другим мы наклоняемся и наклоняемся, пока не теряем равновесие, и один за другим низвергаемся сквозь прохладную тьму в холодные воды.

Солнце закатывается. На ночное небо выкатываются звезды. Издалека виднеется мерцание. Это подлетает очередная ракета, оставляя в космосе красные следы.

Я живу в колодце. Я живу в колодце, как дымок. Словно дымка в каменной глотке. У себя над головой я вижу холодные ночные и утренние звезды. И солнце я вижу. Время от времени я пою древние песни нашего мира, той поры, когда он был еще совсем юным. Как я могу сказать, что я такое, если даже сам не знаю. Никак не могу.

Я попросту выжидаю.

Tyrannosaurus Rex

Он открыл дверь в темноту просмотрового зальчика.

Раздалось резкое, как оплеуха: «Закройте дверь!» Он скользнул внутрь и выполнил приказ. Оказавшись в непроглядной тьме, тихонько выругался. Тот же тонкий голос с сарказмом произнес:

– Боже! Вы Тервиллиджер?

– Да, – отозвался Тервиллиджер.

В более светлом пятне справа угадывался экран. Слева неистово прыгал огонек сигареты в невидимых губах.

– Вы опоздали на пять минут!

«Велика беда, – подумал Тервиллиджер, – не на пять же лет!»

– Отнесите пленку в проекционную. И пошевеливайтесь!

Тервиллиджер прищурился, привыкая к густому сумраку зала.

В темноте он различил в креслах пять шумно дышащих и беспокойно ерзающих фигур, исполненных чиновничьего ража. В центре зала с каменной неподвижностью сидел особняком и покуривал подросток.

«Нет, – сообразил Тервиллиджер, – это не подросток. Это Джо Клеренс. Тот самый. Клеренс Великий».

Теперь маленький, как у куклы, ротик выдохнул облачко дыма.

– Ну?

Тервиллиджер суетливо кинулся в сторону проекционной, сунул ролик в руки механику; тот скорчил рожу в сторону боссов, подмигнул Тервиллиджеру и скрылся в своей будке.

Вскоре раздался зуммер.

– Боже! – вспылil гнусавый голосок. – Да запускайте же!

Тервиллиджер пошарил рукой в поисках кресла, обо что-то ударился, шагнул назад и остался стоять.

С экрана полилась музыка. Под звуки барабанного боя пошли титры его демонстрационного фильма:

TYRANNOSAURUS REX:

ГРОЗА ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН

Снято автоматической камерой для замедленной съемки. Куклы и анимация Джона Тервиллиджера. Исследование жизни на Земле за миллиард лет до нашей эры.

Коротышка в центре зала с иронией тихонько похлопал детскими ручками.

Тервиллиджер закрыл глаза. Смена музыкальной темы заставила его посмотреть на экран. Титры заканчивались на фоне ядовитого ливня в доисторических джунглях, полускрытых за пеленой дождя. Камера наплывом пошла сквозь тропический лес к подернутому утренним туманом морскому берегу, по пути встречая на земле и в воздухе бегущих и летящих чудовищ. Покрытые массивными треугольными костными шипами, что были разбросаны по коже цвета зеленой плесени, рассекали ветер птеродактили, сверкая алмазами глаз и показывая частокол огромных зубов. Эти смертоносные летучие змеи пикировали на свои не менее страшного вида жертвы, а затем стремительно взмывали ввысь с добычей, которая визжала и извивалась в их пасти.

Тервиллиджер зачарованно следил за происходящим на экране.

У самой земли пышная растительность кишела рептилиями. Ящеры самых разных размеров, закованные в панцирь, месили лапами жирную грязь. Воссозданные воображением Тер-

виллиджера, они олицетворяли для него злодейство во плоти, от которого бросается врассыпную все живое.

Бронтозавры, стегозавры, трицератопсы... Легко сказать, но трудно представить себе эти многотонные махины.

Исполинские динозавры передвигались как гигантские уродливые танки, сеющие ужас и гибель. Мшистая почва ущелий сотрясалась под ними. Тысячи цветов гибли под очередным шагом чугунной лапы. Ноздри уродливых рыл вбирали туман, и джунгли оглашал рык такой силы, что небо раскалывалось пополам.

«Мои красавчики, – думал Тервиллиджер, – мои лапочки! Крошки ненаглядные!»

Сколько трудов они ему стоили – создания из разных видов резины, с крохотными подвижными стальными суставами. Придуманные в бессонные ночи, воплощенные сперва в глине, а затем сформованные из пенорезины или из губчатой резины, они двигались только благодаря его рукам. И большинство было не крупнее кулака. Остальные – не больше той головы, в которой они зародились.

– Господи! – восхищенно ахнул кто-то в темноте.

А ведь когда-то это было снято кадр за кадром, и он, Тервиллиджер, создавал стремительное движение своих фантастических образов из неподвижных картинок. Самую малость изменив позы и положение зверушек, он делал снимок. Потом опять продвигал их на волосок – и фотографировал. Этот кропотливый труд продолжался часы, дни, месяцы. И вот теперь восемьсот футов отснятого материала – а именно таков был скромный результат – будут просмотрены за считанные минуты.

«Смотри-ка, они живут, они двигаются», – радовался Тервиллиджер. Он никак не мог привыкнуть, что на экране его создания совсем как живые!

Кусочки пористой резины и латекса, глина, стальные детальки, стеклянные глаза, каменные клыки – и все это вдруг превращается в хищное зверье, терроризирующее континенты, царящее в джунглях задолго до появления человека, миллиард лет назад! Эти чудища дышат. Эти чудища сотрясают воздух своими громовыми голосами. Какое сверхъестественное преобразование!

«Пусть это и нескромно, – думал Тервиллиджер, – но вот он – мой райский сад, и вот они – мои гады земные, о коих могу сказать в конце Шестого дня, что они хороши, и назавтра, в день Седьмой, почить от дел своих».

– Господи! – повторил в темноте тот же восхищенный голос.

Тервиллиджер, войдя в роль Творца, чуть было не отозвался: «Да, я слушаю».

– Замечательный материал, мистер Клеренс, – продолжил дружественный голос.

– Возможно-возможно, – отозвался гнусавый мальчишечий голосок.

– Мультипликация высшего класса.

– Видал я и получше, – сказал Клеренс Великий.

Тервиллиджер так и обмер. Кровавая бойня в джунглях из папье-маше продолжалась, но он теперь отвернулся от экрана, чтобы посмотреть на зрителей. Впервые он мог толком разглядеть своих предполагаемых работодателей.

– Восхитительный материал!

Похвала исходила от пожилого человека, сидевшего в дальнем конце небольшого зала. Его голова была запрокинута, и он наблюдал за доисторической драмой с несомненным увлечением.

– Фигуры двигаются толчками. Посмотрите вон на того! – Станный мужчина с фигурой мальчика даже привстал, показывая что-то кончиком сигареты, торчащей изо рта. – А вот еще никчемный кадр. Вы обратили внимание?

– Да, – как-то сразу сник пожилой союзник Тервиллиджера. И даже съехал пониже в своем кресле. – Я заметил.

У Тервиллиджера кровь застучала в висках.

– Толчками двигаются, – повторил Джо Клеренс.

Белый экран, мелькнули цифры – и все. Музыка закончилась, монстры пропали.

– Уф, слава богу, – раздался в темноте голосок Джо Клеренса. – А то время ланча уже на носу. Уолтер, давай следующий ролик! Спасибо, Тервиллиджер, вы свободны. – Молчание. – Тервиллиджер! – Опять молчание. – Кто-нибудь скажет, этот оболтус еще в зале?

– Я здесь, – отозвался Тервиллиджер. Его руки, висящие у бедер, сжались в кулаки.

– Ага, – протянул Джо Клеренс. – Знаете, неплохая работа. Однако на большие деньги не рассчитывайте. Вчера здесь перебивала дюжина ребят, и они показывали материалы не хуже вашего, а то и получше. У нас конкурс для нового фильма под названием «Доисторический монстр». Оставьте моей секретарше конверт с вашими условиями. Выход через ту же дверь, через которую вы вошли. Уолтер, что ты там копаешься? Давай следующий ролик!

Тервиллиджер двинулся к выходу, то и дело натываясь в темноте на стулья. Нашупав ручку двери, он вцепился в нее мертвой хваткой.

А за его спиной экран взорвался: землетрясение рушило здания, сыпало на головы жителей горные валуны, обрушивало и уносило мосты. Среди этого грохота ему вспомнился диалог недельной давности:

– Мы заплатим вам тысячу долларов, Тервиллиджер.

– Да вы что! Одно оборудование обойдется мне в эту сумму!

– Послушайте, мы даем вам шанс войти в кинобизнес. Или вы соглашаетесь, или увя и ах.

На экране рушились здания, а в нем самом – надежды. Он уже понял, что согласится. И возненавидит себя за это согласие.

Лишь когда на экране все дорушилось и отгрохотало, в Тервиллиджере отбурлила ярость и решение стало окончательным. Он толкнул от себя многотонную дверь и вышел в слепящий солнечный свет.

Насадим на гибкие сочленения шеи череп, натянем на него матерчатую морду, приладим на шарнирчиках нижнюю челюсть, замаскируем швы, и наш красавец готов. Tyrannosaurus Rex. Царь тираннозавров. Тиран доисторических джунглей.

Руки Творца, омытые светом «юпитера», нежно опустили монстра в миниатюрные джунгли, занимающие половину небольшой студии.

Сзади кто-то грубым толчком распахнул дверь.

В студию влетел крохотный Джо Клеренс – один хуже ватаги бойскаутов. Быстрым и цепким взглядом он обегал все помещение, и его лицо перекошилось.

– Черт побери! У вас еще ничего толком не готово? Мои денежки за аренду утекают зря!

– Если я закончу раньше срока, – сухо возразил Тервиллиджер, – вы мне лишних денег не заплатите. А дело пострадает.

Джо Клеренс мелкими шажками бегал от одного конца макета к другому.

– Ладно, не спешите, но поторапливайтесь. И сделайте этих ящеров действительно ужасными!

Тервиллиджер стоял на коленях у края джунглей из папье-маше, поэтому его глаза были на одном уровне с глазами босса.

– Сколько футов крови и ужаса вы желаете? – спросил он Клеренса.

Тот хищно хохотнул:

– О-о, по две тысячи футов каждого!.. А это у нас кто?

Он шустро схватил самого крупного и самого страшного динозавра и поднес его поближе к своим глазам.

– Поосторожнее!

– Что вы так паникуете? – огрызнулся Клеренс, ворочая хрупкую игрушку в своих неловких и равнодушных ручонках. – Мой динозавр – что хочу, то и делаю. В контракте огово...

– В контракте черным по белому сказано, что вы имеете право использовать моих ящеров для рекламных роликов до завершения съемок, а затем куклы остаются в моей полной собственности.

– Размечтались! – Размахивая динозавром, Клеренс фыркнул и сказал: – Не знаю, какой дурак вписал в контракт такой пункт. Когда мы подписывали его четыре дня назад...

– А мне кажется, что не четыре дня назад, а четыре года. – Тервиллиджер потер воспаленные глаза. – Я две ночи провел без сна, заканчивая этого зверюгу, чтобы мы могли приступить к съемке.

Клеренс прервал его нетерпеливым жестом:

– К чертям собачьим контракт. Плевал я на юридические штучки. Эта зверюга моя. Вы с вашим агентом доведете меня до инфаркта. То вам нужен большой гонорар, то лучшее финансирование, то более дорогое оборудование...

– Камера, что вы мне дали, суший антиквариат.

– Не говорите мне, если она сломается. У вас есть руки, чтобы починить. Когда на фильм тратится мало денег, люди лучше работают – они начинают шевелить мозгами, а не уповать на технику. Что же касается этого страшилища, – Клеренс опять тряхнул динозавром в своей руке, – то это мое детище. И зря это не прописано в чертовом контракте.

– Простите, я никому не отдаю созданные мной вещи. – Тервиллиджер прямодушно стоял на своем. – Слишком много времени и души я в них вкладываю.

– Хорошо-хорошо. Мы накинём вам пятьдесят долларов, плюс забирайте после съемок эту камеру с причиндалами. Но зверюга останется мне. Ведь с этой аппаратурой вы можете открыть собственную студию и конкурировать со мной – утереть мне нос, используя мою же технику! – Клеренс хихикнул.

– Если ваша техника до той поры не развалится, – пробормотал Тервиллиджер.

– И вот еще что. – Поставив ящера на пол, Клеренс обежал его кругом, приглядываясь с разных сторон. – Мне не нравится его характер.

– Вам не нравится что? – Тервиллиджер с трудом сохранил вежливый тон.

– Вялая морда. Нужно добавить больше огня в глаза, больше... Ну, чтоб сразу было видно, что это крутой парень, что ему пальца в пасть не клади... И добавьте ему понта.

– Чего-чего?

– Ну, типа: «Кто тут на меня? Пасть порву!» Глаза покрупнее. Ноздри с выгибцем. Зубы с искрой. Язык лопатой. Да что мне вам объяснять – вы же мастер. Зверюга не моя, а ваша – вам и карты в руки.

– Моя, – с готовностью согласился Тервиллиджер, поднимаясь с пола.

Теперь на уровне глаз Джо Клеренса оказалась металлическая пряжка его ремня. Несколько секунд продюсер, словно загипнотизированный, таращился на блестящую железку.

– Черт бы побрал этих чертовых юристов, – наконец бормотнул он и засеменил к двери, бросив через плечо: – Трудитесь!

Дверь за ним захлопнулась, и в ту же секунду о нее шмякнулся тираннозавр.

Рука, запустившая любимым детищем в дверь, бессильно упала. Плечи Тервиллиджера поникли. Он добрел до двери, подобрал куклу и прошел к рабочему столу. Там он отвернул тираннозавру голову, стащил с черепа матерчатую маску и поставил череп на полку. Потом размял кусок глины и принялся лепить новый вариант морды.

– Побольше крутизны, – яростно бормотал Тервиллиджер, – побольше понта...

Неделей позже состоялся первый просмотр материала с участием главного героя – тираннозавра.

Когда короткий ролик закончился, Клеренс одобрительно закивал в сумраке просмотрю-вого зала:

– Уже лучше. Но... Надо бы пострашнее. Чтобы от него кровь в жилах застывала. Пусть зрительницы в зале визжат и падают в обморок. Итак, начнем с нуля еще разок.

– Но теперь я на неделю отстаю от графика, – запротестовал Тервиллиджер. – Вы то и дело прибегаете – велите поменять то одно, то другое. И я меняю. Сегодня хвост, завтра лапы...

– Наступит день, когда мне будет не к чему придраться, – сказал Клеренс. – Но для этого надо попотеть. Итак, к рабочему столу – и разогрейте как следует свою фантазию.

В конце месяца состоялся второй просмотр.

– Уже почти то, Тервиллиджер! Вот-вот будет то! – констатировал Клеренс. – Морда близка к идеалу. Однако надо попробовать еще разок.

Тервиллиджер поплелся обратно к рабочему столу. Теперь его динозавр ругался в кадре последними словами. У того, кто умеет читать по губам, могли бы волосы встать дыбом, приди ему в голову пристально следить за ртом тираннозавра. Однако обычная публика, обманутая звуковой дорожкой, услышит только рев и рык. А в одну из бессонных ночей Тервиллиджер внес дополнительные изменения в физиономию зверя.

На следующий день в просмотрном зале Клеренс едва ли не прыгал от радости:

– В самую точку! Великолепно! Теперь я вижу перед собой настоящего монстра. Бр-р! Какая мерзость!

С сияющим выражением лица он повернулся к своему юристу, мистеру Глассу, и своему ассистенту, Мори Пулу:

– Как вам нравится моя зверушка?

Тервиллиджер, набычившийся в последнем ряду, такой же ширококостный, как и созданный им ящер, заметил, как пожилой законник передернул плечами:

– Все страшилища одинаковые.

– Ты прав, Гласс. Но это особенное страшилище, – радостно гундосил Клеренс. – Даже я готов признать, что наш Тервиллиджер – настоящий гений!

Затем все сосредоточились на экране, где в чудовищном вальсе кружил по поляне исполнинский ящер, кося своим острым как бритва хвостом траву и вытаптывая цветы. В какой-то момент зверь успокоился и, показанный крупным планом, задумчиво уставился в туман, грызя окровавленный кусок ящера помельче.

– Этот монстр мне кого-то напоминает, – заметил мистер Гласс, напряженно шурясь на экран.

– Кого-то напоминает? – весь напрягся Тервиллиджер.

– У зверюги такое выражение... – задумчиво сказал мистер Гласс. – Где-то я подобное видел.

– Быть может, в Музее естественной истории?

– Нет-нет.

– Гласс, – хохотнул Клеренс, – вы наверняка читали книжки с картинками про динозавров. Вот и застряло в памяти.

– Странно... – Не смущенный репликой шефа, Гласс спетушил голову набок и прикрыл один глаз. – Я, как детектив, никогда лица не забываю. И с этим тираннозавром я где-то определенно встречался.

– Да плевать! – гаркнул Клеренс. – Зверь получился на славу. Всем монстрам монстр. А все потому, что я постоянно стоял у Тервиллиджера над душой и помогал советами. Идемте, Мори.

Когда за продюсером закрылась дверь, мистер Гласс пристально посмотрел на Тервиллиджера. Не сводя с него глаз, он крикнул в будку механика:

– Уолт! Уолтер! Пожалуйста, крутани пленку еще раз.

– Как скажете.

Во время нового просмотра Тервиллиджер беспокойно ерзал в кресле. Он чувствовал сгущающуюся в зале тревогу. Ужасы в доисторических лесах казались ему детской игрой по сравнению с опасностями, которые поджидают его в стенах этой студии.

– Да-да, совершенно точно, – рассуждал вслух мистер Гласс, – я точно помню его, прямо перед глазами стоит... Но кто?

Гигантский хищник развернулся в сторону камеры и, словно собираясь ответить на вопрос юриста, глянул сквозь миллиард лет на двух людишек, прячущихся в темной комнате. Тираннозавр открыл пасть, будто хотел представиться, но вместо этого сотряс джунгли бесмысленным ревом.

Когда через десять недель черновой вариант фильма был готов, Клеренс собрал в просмотровом зале человек тридцать – управленцы, техперсонал и несколько друзей продюсера.

Примерно на пятнадцатой минуте фильма по залу вдруг прокатилось что-то вроде общего удивленного вздоха.

Клеренс озадаченно завертел головой.

Сидящий рядом с ним мистер Гласс вдруг выпрямился и окаменел.

Тервиллиджер с самого начала просмотра нутром почуял опасность, встал, прокрался к выходу и остался там, почти распластавшись по стене. Он понятия не имел, чего именно он боится. Просто напряженные нервы подсказывали, что лучше быть поближе к двери.

Вскоре зрители снова хором ахнули.

А кто-то, вопреки кровавым ужасам на экране, вдруг хихикнул. Какая-то секретарша. Затем воцарилась гробовая тишина.

Потому что Джо Клеренс вскочил на ноги.

Маленькая фигурка пробежала к экрану и рассекла его надвое своей тенью. На протяжении нескольких мгновений два существа мельтешили в темноте – тираннозавр на экране грузно метался, разрывая зубами птеранодона, а рядом Клеренс размахивал руками и топал ногами, будто хотел включиться в доисторическую схватку.

– Остановите пленку!

Тираннозавр на экране застыл.

– В чем дело? – спросил мистер Гласс.

– Это вы меня спрашиваете, в чем дело?

Клеренс подскочил вплотную к экрану и маленькой ручкой стал тыкать тираннозавру в челюсть, в глаза, в клыки, в лоб. Потом он развернулся лицом к залу и, ослепленный светом проектора, прикрыл глаза. На его щеках отражалась шкура рептилии.

– Это что такое? Я вас спрашиваю, это что такое? – провизжал он.

– Динозавр, шеф. Очень крупный.

– «Динозавр»! – передразнил Клеренс и злобно шлепнул кулаком по экрану. – Черта с два! Это я!

Одни зрители озадаченно подались вперед, другие с улыбками откинулись на спинки кресел. Двое вскочили. Один из вскочивших был мистер Гласс. Он нащупал в кармане вторые, более сильные очки, посмотрел на экран и простонал:

– Боже, так вот где я его видел!

– Что вы хотите сказать? – заверещал Клеренс.

Мистер Гласс затряс головой и закатил глаза:

– Я же говорил, что это лицо мне знакомо!

По комнате прошел ветерок.

Все взгляды устремились в сторону выхода. Дверь была открыта.

Тервиллиджера и след простыл.

Тервиллиджера нашли в его студии – он проворно собирал свои вещи в большой картонный ящик. Тираннозавр торчал у него под мышкой.

Когда толпа с Клеренсом во главе ввалилась в студию, Тервиллиджер затравленно оглянулся.

Продюсер заорал с порога:

– Чем я заслужил такое?

– Я прошу прощения, мистер Клеренс.

– Он просит прощения! Разве я вам плохо платил?

– Да не то чтобы хорошо.

– Я приглашал вас на ланчи...

– Только однажды. И счет за двоих оплатил я.

– Вы ужинали в моем доме, вы плавали в моем бассейне. И вот ваша благодарность?.. Вы уволены! Вон отсюда!

– Вы не можете уволить меня, мистер Клеренс. Последнюю неделю я работаю за так – вы забыли выдать мне чек...

– Плевать! Вы уволены в любом случае. Вы уволены решительно и окончательно. Ни одна студия в Голливуде вас не примет! Уж я об этом позабочусь! Мистер Гласс! – Клеренс обернулся в поисках юриста. – Мы завтра же возбуждаем судебный процесс против этой змеи, которую я пригласил на своей груди!

– А что вы можете у меня отсудить? – возразил Тервиллиджер. Ни на кого не поднимая глаз, он сновал по студии, собирая в ящик остаток своих вещей. – Что можно у меня отнять? Деньги? Вы мне платили не так много, чтобы я что-то откладывал. Дом? Никогда не мог позволить себе. Жену? Я всю жизнь работал на людей вроде вас и, стало быть, содержать жену не имел возможности. Я все свое ношу с собой. Вы меня ни с какого конца не прищучите. Если отнимете моих динозавров – ладно, я укачу в какой-нибудь городок в глуши, разживусь там банкой латекса, ведром глины и дюжиной стальных трубок и создам новых рептилий. Пленку я куплю дешевую и оптом. Моя старенькая камера всегда при мне. Времени уйдет больше, но я своего добьюсь. Руки у меня, слава богу, золотые. Так что вам меня не уесть.

– Вы уволены! – заорал Клеренс. – Не прячьте глаза! Вы уволены! Ко всем чертям уволены!

– Мистер Клеренс, – негромко вмешался мистер Гласс, выступая вперед из группы сотрудников, – позвольте мне переговорить с Тервиллиджером наедине.

– Беседуйте с ним хоть до конца света! – злобно прогнусавил Клеренс. – Какой теперь в этом прок? Вот он, стоит и в ус не дует, а под мышкой у него страшилище, как две капли воды похожее на меня. Прочь с дороги!

Клеренс пулей вылетел из студии. За ним вышла и свита.

Мистер Гласс прикрыл дверь и прошел через комнату к окну. Выглянув в окно, какое-то время смотрел на чистое, без единого облачка, небо.

– Дождь сейчас был бы очень кстати, – сказал он. – Одного я терпеть не могу в Калифорнии: здесь не бывает хорошего дождя, со свистопляской. А сейчас бы и просто капля с неба не помешала.

Он замолчал. Тервиллиджер замедлил свои лихорадочные сборы. Мистер Гласс опустился в кресло у стола, достал блокнот и карандаш и заговорил – негромко и с грустью в голосе, как будто говорил сам с собой:

– Итак, посмотрим, что мы имеем. Использовано шесть роликов пленки высшего качества, сделана половина фильма и три тысячи долларов пошли коту под хвост. Рабочая группа картины без работы – зубы на полку. Акционеры топают ногами и требуют компенсации. Банк по головке не погладит. Очередь людей сыграть в русскую рулетку. – Он поднял глаза на Тер-

виллиджера, который защелкивал замки своего портфеля. – Зачем вы это сотворили, господин Творец?

Тервиллиджер потупил глаза на свои провинившиеся руки:

– Клянусь вам, я сам не ведал, что творю. Работали только пальцы. Это детище подсознания. Я не нарочно – руки работали сами по себе.

– Лучше бы ваши руки пришли в мой офис и сразу задушили меня, – сказал мистер Гласс. – Хотя бы не мучился! Я боялся умереть в автокатастрофе. Но никогда не предполагал, что погибну под пятой резинового монстра. Ребята из съемочной группы теперь как спелые помидоры на дороге у слона.

– Мне и без того тошно, – сказал Тервиллиджер. – Не втирайте соль в рану.

– А чего вы от меня ждете? Чтоб я пригласил вас развеяться в танцевальный зал?

– Он получил по заслугам! – вскричал Тервиллиджер. – Он меня доставал. «Сделай так. Сделай сяк. Исправь тут. Выверни наизнанку здесь!..» А мне только и оставалось – молча исходить желчью. Я был на пределе ярости двадцать четыре часа в сутки. И бессознательно стал вносить вполне определенные изменения в рожу динозавра. Но еще за секунду до того, как мистер Клеренс начал бесноваться, мне и в голову не приходило, что именно я создал. Разумеется, я виноват и целиком несу груз ответственности.

– Не целиком, – возразил мистер Гласс. – У нас ведь тоже глаза не на затылке. Мы обязаны были заметить. А может, заметили, но признаться себе не посмели. Возможно, по ночам во сне мы довольно хохотали, а утром ничего не помнили. Ладно, подведем итоги. Мистер Клеренс вложил немалые деньги и не хотел бы их потерять. Вы вложили талант и не хотели бы пустить по ветру свое будущее. В данный момент мистер Клеренс расцеловал бы любого, кто докажет ему, что случившееся просто страшный сон. Его ярость на девяносто процентов вызвана тем, что фильм из-за досадной глупости не выйдет на экраны и тогда плакали его денежки. Если вы уделите несколько минут своего драгоценного времени на то, чтобы убедить мистера Клеренса в том, что я вам сейчас изложу, съемочной группе завтра не нужно будет листать «Варьете» и «Голливудский репортер» в поисках работы. Не будет вдов и сирот, и все уладится наилучшим образом. Вам нужно сказать ему...

– Сказать мне что?

Это произнес знакомый тоненький голос. Клеренс стоял в дверях – все еще багровый от бешенства.

– То же, что он минуту назад говорил мне, – хладнокровно отозвался мистер Гласс. – Весьма трогательная история.

– Я весь внимание! – пролаял Клеренс.

– Мистер Клеренс, – начал бывалый юрист, взвешивая каждое слово, – своим фильмом мистер Тервиллиджер хотел выразить свое восхищение вами. Воздать вам должное.

– Что-что? – возопил Клеренс.

Похоже, от удивления челюсти отвисли разом у обоих – и у Клеренса, и у Тервиллиджера.

Старый законник, все так же глядя на стену перед собой, скромно осведомился:

– Следует ли мне продолжать, Тервиллиджер?

Мультипликатор проглотил удивление и сказал:

– Да, если вам угодно.

– Так вот, – мистер Гласс встал и величаво указал в сторону просмотрового зала, – увиденный вами фильм сделан с чувством глубочайшего уважения и дружеского расположения к вам, мистер Клеренс. Вы денно и ночно трудитесь на ниве кинематографа, оставаясь невидимым героем киноиндустрии. Неведомый широкой публике, вы трудитесь как пчелка, а кому достаются лавры? Режиссерам. Звездам. Как часто какой-нибудь простой человек из глубинки говорит своей женушке: «Милая, я тут вечером думал о Джо Клеренсе – великий продюсер, не правда ли?» Как часто? Да никогда, если смотреть правде в глаза. Тервиллиджер этот факт

осознал. И его мозг включился в работу. «Как познакомить мир с таким явлением, как подлинный Джо Клеренс?» – вот какой вопрос задавал себе снова и снова наш друг. И вот его взгляд упал на динозавра, стоявшего на рабочем столе. Хлоп! И на Тервиллиджера снизошло! «Вот оно, – подумал он, – вот передо мной олицетворенный ужас мира, вот существо одинокое, гордое, могучее, с хитрым умом хищника, символ независимости и знамя демократии – благодаря доведенному до предела индивидуализму». Словом, гром и молния, одетые в панцирь. Тираннозавр – тот же Джо Клеренс. Джо Клеренс – тот же тираннозавр. Деспот доисторических лесов – и великий голливудский магнат. Какая восхитительная параллель!

Мистер Гласс опустил на стул. Он даже не запыхался после столь вдохновенной и долгой речи.

Тервиллиджер помалкивал.

Клеренс молча прогулялся по комнате, медленно обошел по кругу мистера Гласса. Прежде багровое лицо продюсера было теперь скорее бледным. Наконец Клеренс остановился напротив Тервиллиджера.

Его глазки беспокойно бегали по долговязой фигуре режиссера.

– Так вы это рассказали Глассу? – спросил он слабым голосом.

Кадык на шее Тервиллиджера прогулялся вверх-вниз.

– У него хватило духу только со мной поделиться, – объяснил мистер Гласс. – Застенчивый парень. Все его беды от застенчивости. Вы же сами видели – он такой неразговорчивый, такой безответный. Ни разу не огрызнется, все держит в себе. А в глубине души любит людей, только сказать стесняется. У замкнутого художника один способ выразить свою любовь – увековечить в образе. Тут он владыка!

– Увековечить? – недоверчиво переспросил Клеренс.

– Вот именно! – воскликнул старик юрист. – Этот тираннозавр все равно что статуя на площади. Только ваш памятник передвижной – бегаёт по экрану. Пройдут годы, а люди все еще будут говорить друг другу: «Помните фильм «Монстр эпохи плейстоцена»? Там был потрясающий монстр, настоящий зверь, к тому же недюжинный характер, любопытная индивидуальность, горячая и независимая натура. За всю историю Голливуда никто не создал лучшего чудовища. А все почему? Потому что при создании чудовища один гениальный режиссер имел достаточно ума и воображения опереться на черты характера реального человека – крутого и сметливого бизнесмена, великого магната киноиндустрии». Вот как будут говорить люди. Мистер Клеренс, вы входите в историю. В фильмотеках будут спрашивать фильм про вас. Клуб любителей кино – приглашать на встречи со зрителями. Какая бешеная удача! Увы, с Иммануилом Глассом, заурядным юристом, подобной феерии произойти не может. Короче говоря, на протяжении следующих двухсот или даже пятисот лет ежедневно где-нибудь да будет идти фильм, в котором главная звезда – вы, Джо Клеренс.

– Еже... ежедневно? – мечтательно произнес Клеренс. – На протяжении следующих...

– Восьмисот лет. А почему бы и нет!

– Никогда не смотрел на это с такой точки зрения.

– Ну так посмотрите!

Клеренс подошел к окну, какое-то время молча таращился на голливудские холмы, затем энергично кивнул.

– Ах, Тервиллиджер, Тервиллиджер! – сказал он. – Неужели вы и впрямь до такой степени любите меня?

– Трудно словами выразить, – выдавил из себя Тервиллиджер.

– Я полагаю, мы просто обязаны доснять этот потрясающий фильм, – сказал мистер Гласс. – Ведь звездой этой картины является тиран джунглей, сотрясающий своим движением землю и обращающий в бегство все живое. И этот безраздельный владыка, этот страх Господень – не кто иной, как мистер Джозеф Клеренс.

– М-да, м-да... Верно! – Клеренс в волнении забежал по комнате. Потом рассеянно, походкой счастливого лунатика направился к двери, остановился на пороге и обернулся. – А ведь я, признаться, всю жизнь мечтал стать актером!

С этими словами он вышел – тихий, умиротворенный.

Тервиллиджер и Гласс разом согнулись от беззвучного хохота.

– Страшилозавр! – сказал старик юрист.

А режиссер тем временем доставал из ящика письменного стола бутылку виски.

После премьерного показа «Монстра каменного века», ближе к полуночи, мистер Гласс вернулся на студию, где предстоял большой праздник. Тервиллиджер угрюмо сидел в одиночестве возле отслужившего макета джунглей. На коленях у него лежал тираннозавр.

– Как, вы не были на премьере? – ахнул мистер Гласс.

– Духу не хватило. Провал?

– С какой стати! Публика в восторге. Критики визжат. Прекрасней монстра еще никто не видал! Уже пошли разговоры о второй серии: «Джо Клеренс опять блистает в роли тираннозавра в фильме «Возвращение монстра каменного века», – звучит! А потом можно снять третью серию – «Зверь со старого континента». И опять в роли тирана джунглей несравненный Джо Клеренс!..

Зазвонил телефон. Тервиллиджер снял трубку.

– Тервиллиджер, это Клеренс. Я буду на студии через пять минут. Мы победили! Ваш зверь великолепен! Надеюсь, уж теперь-то он мой? Я хочу сказать, к черту контракт и меркантильные расчеты. Я просто хочу иметь эту душку-игрушку на каминной полке в моем особняке!

– Мистер Клеренс, динозавр ваш.

– Боже! Это будет лучше «Оскара». До встречи!

Ошарашенный Тервиллиджер повесил трубку и доложил:

– Большой босс лопается от счастья. Хихикает как мальчишка, которому подарили первый в его жизни велосипед.

– И я, кажется, знаю причину, – кивнул мистер Гласс. – После премьеры к нему подбежала девочка и попросила автограф.

– Автограф?

– Да-да! Прямо на улице. И такая настойчивая! Сперва он отнекивался, а потом дал первый в своей жизни автограф. Слышали бы вы его довольный смешок, когда он подписывался! Кто-то узнал его на улице! «Глядите, идет тираннозавр собственной персоной!» И господин ящер с довольной ухмылкой берет в лапу ручку и выводит свою фамилию.

– Погодите, – промолвил Тервиллиджер, наливая два стакана виски, – откуда взялась такая догадливая девчушка?

– Моя племянница, – сказал мистер Гласс. – Но об этом ему лучше не знать. Ведь вы же не проболтаетесь?

Они выпили.

– Я буду нем как рыба, – заверил Тервиллиджер.

Затем, подхватив резинового тираннозавра и бутылку виски, оба направились к воротам студии – поглядеть, как во всей красе, сверкая фарами и гудя клаксонами, на вечеринку начнут съезжаться лимузины.

Каникулы

День был свежий – свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, ее создавали пчелы и цветы, суша и океан – все, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и все двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс, сплошной парадокс, безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчелы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой – пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась петляя, потом терялась в мгlistых даях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далеких гор.

Неожиданно рельсы задрожали.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилося чье-то сердце.

Черный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина, в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырехколесной дрезине, на обращенной в две стороны двойной скамейке, защищенные от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развеивал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперед. Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально и все время настороженно – что дальше?

На ровной прямой мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось – это покой, излучаемый морем, землей и небом, затормозил и пресек вращение колес.

– Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушенный гром, шепот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зеленых водорослей, пены.

– Море красивое, правда? – сказала женщина.

– Мне нравится, – сказал мальчик.

– Может быть, заодно сделаем привал и поедим?

Мужчина навел бинокль на зеленый полу-остров вдали.

– Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придется ждать, пока я исправлю.

– Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! – сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьезные, пытливые глаза на мужчину:

– Сколько мы проехали сегодня?

– Неполных девяносто миль. – Мужчина все еще напряженно глядел в бинокль. – Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтеррее, на следующий день, если хочешь, в Пало-Альто.

Женщина развязала ярко-желтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла ее с золотистых волос и, покрытая легкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что все тело пропиталось ее ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

– Давайте есть!

Мальчик бегом отнес корзинку с припасами на берег.

Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нем был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зеленых баночек, он понемногу отпускал галстук и расстегивал жилет, все время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

– Мы одни, папа? – спросил мальчик, не переставая жевать.

– Да.

– И больше никого, нигде?

– Больше никого.

– А прежде на свете были люди?

– Зачем ты все время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

– Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. – Мальчик просеял между пальцами горсть песка. – Людей было столько, сколько песка тут на пляже? А что с ними случилось?

– Не знаю, – ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись – и мир был пуст. Висела бельевая веревка соседей, и ветер трепал ослепительно-белые рубашки, как всегда поутру, блестели машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свидания», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и, даже не развертывая ее, не глядя на заголовки, сказал:

– Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

– Да, до чего дошло, – подхватила она. – И не остановишь. Как же мы глупы, правда?

– А замечательно было бы... – Он раскурил свою трубку. – Проснуться завтра, и во всем мире ни души, начинай все сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

– Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

– Наверное, да, – ответил он. – Без насилия. Просто все исчезнет с лица земли. Оставить землю, и море, и все, что растет – цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Все оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

– Но мы-то должны остаться. – Она тихо улыбнулась.

– Хорошо было бы. – Он задумался. – Впереди – сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов. Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзинку с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свернутая газета.

Наконец она сказала:

– А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они про-снулись и слышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно – должно быть, потому, что уже столько лет не любили город, и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

– Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик еще спал, потом муж выпрямился и сказал:

– Теперь мне надо придумать, что делать.

– Что делать? Как... разве ты не пойдешь на работу?

– Ты все еще не веришь, да? – Он засмеялся. – Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Все, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернемся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повел ее по пустым и безмолвным улицам города.

– Они не умерли, – сказал он. – Просто... ушли.

– А другие города?

Он зашел в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско.

Молчание. Молчание. Молчание.

– Все, – сказал он, вешая трубку.

– Я чувствую себя виноватой, – сказала она. – Их нет, а мы остались. И... я радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

– Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучили. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность – быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

– Но... но тогда нам нужно заводить еще детей?

– Чтобы снова населить мир? – Он медленно, спокойно покачал головой. – Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и умрет, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнем наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и, пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блокноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки. Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Соленый ветер разносил запах горячего дегтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцем по своему карманному атласу.

– Через месяц, в мае, доберемся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сизтл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь по-охотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошел к самой воде и бросал палки в море, потом сам же бегал за ними, изображая ученую собаку.

Отец продолжал:

– Зимует в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной – вдоль побережья, в июне попадем, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года – как ты насчит того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку – превосходно, поедем по ней до конца, посмотрим, куда она ведет. Когда-нибудь, честное слово, пойдем на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут – находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьезные глаза его подозрительно блестели. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул ее руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

– Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью все каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суэта, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула.

И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришел?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледно. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там, где оставила след слезинка.

– Ты... – сказал он и вздохнул. – Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать.

Муж хотел взять руку мальчика.

Мальчик отскочил назад:

– Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны!

Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец ее удержал:

– Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил ее железным колпачком, взял покрепче, размахнулся – и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

«Что, – думала женщина, – что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?»

Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошел от воды и остановился около родителей, глядя на них, лицо ни просветлевшее, ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешенное, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку – бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

«Он написал наше желание? – думала женщина. – Написал то, о чем мы сейчас говорили, нашу мечту?»

Или написал что-то свое, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром – и он один в безлюдном мире, больше никого: ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупыми желаниями, подошел к рельсам и сам, в одиночку, повел дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел – там и привал.

Это или не это?

Наше или свое?..

Она долго глядела в его лишенные выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолетной прохладой.

– Пора ехать, – сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам желтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, – там, далеко, у самого горизонта, поблескивала бутылка с запиской.

– Если попросить – исполнится? – спросил мальчик. – Если загадать – сбудется?

– Иногда сбывается... даже чересчур.

– Смотря чего ты просишь.

Мальчик кивнул, мысли его были далеко. Они посмотрели назад, откуда приехали, потом вперед, куда предстояло ехать.

– До свиданья, берег, – сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам. Ее гул затих и пропал. Вместе с ней вдали, среди холмов, пропали женщина, мужчина, мальчик.

Когда они скрылись, рельсы минуты две тихонько дребезжали, потом смолкли. Упала ржавая чешуйка. Кивнул цветок.

Море сильно шумело.

Барабанщик из Шайлоу

Не раз и не два в эту апрельскую ночь с цветущих плодовых деревьев падали лепестки и, шелестя, ложились на перепонку барабана. В полночь чудом провисевшая всю зиму на ветке персиковая косточка, задетая легким крылом птицы, упала стремительно, незримо вниз, ударила о барабан, и родилась волна испуга, от которой мальчик вскочил на ноги. Безмолвно он слушал, как сердце выбивает дробь в его ушах, потом стихает, удаляясь, возвращаясь на свое место в груди.

Он повернул барабан боком. Огромный лунный лик смотрел на него всякий раз, когда он открывал глаза.

Напряженное ли, спокойное – лицо мальчика оставалось серьезным. Серьезной для парнишки четырнадцати лет была и эта пора, и ночь среди персиковых садов у Совиного ручья, неподалеку от шайлоуской церкви.

«...тридцать один, тридцать два, тридцать три...»

Дальше не было видно, и он перестал считать.

Тридцать три знакомых силуэта, а за ними, утомленные нервным ожиданием, неловко скорчились на земле сорок тысяч человек в мундирах и никак не могли уснуть от романтических грез о грядущих битвах. В какой-нибудь миле от них точно так же лежало другое войско, ворочаясь с боку на бок, кутаясь в мысль о том, что предстоит, когда настанет час: рывок, истошный крик, слепой бросок – вот и вся их стратегия, зеленая молодость – вся броня и защита. Снова и снова мальчик слышал, как рождается могучий ветер и воздух начинает трепетать. Но он знал, что это: войско здесь и там что-то шептало во тьме про себя. Кто-то говорит с товарищем, кто-то сам с собой, и вот – размеренный гул, словно неторопливый вал, вырастал то на севере, то на юге от вращения земли навстречу рассвету.

Что шепчут воины? Он мог только гадать. Наверное, вот что: «Уж я-то останусь живой, всех убьет, а меня не убьет. Я уцелею. Я вернусь домой. Будет играть оркестр. И я его услышу».

«Да, – думал мальчик, – им хорошо, они могут ответить ударом на удар!»

Ведь подле небрежно разбросанных костей молодых воинов, которыми ночь, черный косарь, связала снопы костров, вразброс лежали стальные кости – ружья. И примкнутые штыки, словно рассыпанные в садовой траве негасимые молнии.

«Не то что я, – думал мальчик. – У меня только барабан да две палочки к нему, и нет никакого щита».

Из лежащих здесь в эту ночь воинов-мальчиков у каждого был щит, который он сам, идя на первый бой, высек, склепал или выковал из горячей и стойкой преданности своей далекой семье, из окрыленного знаменами патриотизма и острой веры в собственное бессмертие, заточенной на оселке сугубо реального пороха, шомпола, литых пуль и кремня. А у барабанщика этих вещей не было, и он чувствовал, как его родные совсем исчезают где-то во мраке, словно их безвозвратно унес могучий, гудящий, огнедышащий поезд, и остался он один с этим барабаном, никчемной игрушкой в игре, что предстоит им завтра – или не завтра, но все равно слишком скоро. Мальчик повернулся на бок. Лица его коснулся мотылек – нет, персиковый лепесток. Потом его погладил лепесток – нет, мотылек. Все смешалось. Все потеряло имя. Все перестало быть тем, чем было когда-то.

Если на рассвете, когда солдаты наденут вместе с фуражками свою удаль, лежать совсем-совсем тихо, быть может, они – и война вместе с ними – уйдут, не заметив его: лежит такой маленький, сам все равно что игрушка.

– Вот так штука, это еще что такое? – произнес голос.

Мальчик поспешил зажмуриться, хотел спрятаться в самом себе, но было поздно. Кто-то, проходя мимо в ночи, остановился возле него.

– Вот так так, – тихо продолжал голос, – солдат плачет *перед* боем. Ладно. Давай. Потом будет не до того.

Голос двинулся было дальше, но мальчик с испугу задел барабан локтем. От этого звука человек опять остановился. Мальчик чувствовал его взгляд, чувствовал, как он медленно наклонился. Очевидно, из ночи вниз протянулась рука, так как барабан тихой дробью ото-звался на касание ногтей, потом лицо мальчика овеяло чужое дыхание.

– Да это, кажется, наш барабанщик?

Мальчик кивнул, хоть был не уверен, виден ли его кивок.

– Сэр, это *вы*? – спросил он.

– Полагаю, что это я. – Хрустнули колени: человек наклонился еще ниже.

От него пахло так, как должно пахнуть от всех отцов, – соленым потом, золотистым табаком, конской кожей, землей, по которой он шел. У него было много глаз. Нет, не глаз, латунных пуговиц, пристально глядевших на мальчика.

Генерал – конечно, он, кто же еще.

– Как тебя звать, парень? – спросил он.

– Джоби, – прошептал мальчик, приподнимаясь, чтобы сесть.

– Ладно, Джоби, не вставай. – Рука мягко надавила на грудь мальчика, и он лег опять. – Давно ты с нами, Джоби?

– Три недели, сэр.

– Бежал из дому или записался к нам как положено?

Молчание.

– Да, дурацкий вопрос, – сказал генерал. – А бриться ты уже начал, парень? Тоже дурацкий вопрос. Вон у тебя какие щеки, будто на этом дереве зрели. Да и другие тут немногим старше тебя. Зеленые, эх, до чего вы все зеленые. Готов ты к завтрашнему или послезавтрашнему дню, Джоби?

– По-моему, да, сэр, готов.

– Ты давай поплачь еще, если хочется. Я сам прошлую ночь слезу пустил.

– *Вы*, сэр?

– Истинная правда. Как подумал обо всем, что предстоит. Обе стороны надеются, что противник первый уступит, совсем скоро уступит, неделька-другая – и войне конец, и разошлись по домам. Да только на деле-то будет не так. Потому я и плакал, наверное.

– Да, сэр, – сказал Джоби.

Генерал, должно быть, достал сигару, потому что мрак вдруг наполнился индейским запахом табака, который еще не зажгли, а только жевали, обдумывая дальнейшие слова.

– Это будет что-то несусветное, – заговорил опять генерал. – Здесь, если считать обе стороны, собралось в эту ночь тысяч сто, может быть, чуть побольше или поменьше, и ни один толком стрелять не умеет, не отличит мортирного ядра от конского яблока. Встал, грудь раскрыл, пулю схватил, поблагодарил и садись. Вот какие вояки: что мы, что они. Нам бы сейчас – кру-гом! И четыре месяца обучаться. Им бы тоже так сделать. А то вот, полюбуемся на нас – весенний пыл в крови, а нам кажется – жажда крови, нам бы серу с патокой, а мы ее – в пушки, каждый думает стать героем и жить вечно. Вон они там, так и вижу, согласно кивают, только в другую сторону. Да, парень, неправильно все это, ненормально, как если бы повернули голову наоборот и шагал бы он по жизни задом наперед. Так что быть двойному избиению, если кто-то из их егозливых генералов вздумает попасти своих ребят на нашей травке. Из чистого ухарства будет застрелено больше безгрешных юнцов, чем когда-либо прежде. Нынче в полдень Совиный ручей был полон ребят, которые плескались в воде на солнышке. Боюсь, как бы завтра на закате ручей опять не был полон телами, которые будут плыть по воле потока.

Генерал смолк и в темноте сложил кучку из сухих листьев и прутиков, будто собираясь сейчас подпалить их, чтобы видеть путь в грядущие дни, когда солнце, возможно, не захочет открыть свой лик, не желая смотреть на то, что будет делаться здесь и по соседству. Мальчик глядел, как рука ворошит листья, раскрыл было рот, собираясь что-то сказать, но не сказал. Генерал услышал дыхание мальчика и заговорил:

– Почему я тебе говорю все это? Ты об этом хотел спросить, да? Так вот, если у тебя табун диких лошадок, их надо каким-то способом обуздать, укротить. Эти парни, эти сосунки, – откуда им знать то, что я знаю, а как я им это скажу: что на войне непременно кто-то гибнет. Каждый из этих ребят сам себе войско. Мне же надо сделать из них одно войско. И для этого, парень, мне нужен ты.

– Я?! – дрогнули губы мальчика.

– Понимаешь, – тихо говорил генерал, – ты сердце войска. Задумайся над этим. Сердце войска. Послушай-ка.

И Джоби, лежа на земле, слушал.

А генерал продолжал говорить.

Если завтра он, Джоби, будет бить в барабан медленно, медленно будут биться и сердца воинов. Солдаты лениво побредут по обочине. Они задремлют в поле, опираясь на свои мушкетеры. А потом в том же поле и вовсе уснут навек, так как юный барабанщик замедлил стук сердец, а вражеский свинец их остановил.

Если же он будет бить в барабан уверенно, твердо, все быстрее и быстрее, тогда – тогда вон через тот холм могучей волной, сплошной чередой перевалят солдатские колени! Видел он когда-нибудь океан? Видел, как волны кавалерийской лавой накатываются на песок? Вот это самое и нужно, это и требуется! Джоби – его правая и левая рука. Генерал отдает приказы, но Джоби задает скорость!

– Так давай постарайся, чтобы правое колено вверх, правая нога вперед! Левое колено вверх, левая нога вперед!левой – правой, в добром, бодром ритме. Пусть кровь бежит вверх – голову выше, спину прямо, челюсть вперед! Давай – взгляд прищурить, зубы сжать, шире ноздри, крепче кулак, всех покрой стальной броней – да-да, когда у воина кровь быстро бежит по жилам, ему сдается, что на нем стальные доспехи. И так держать, темп не сбавлять! Долго, упорно, долго, упорно! И тогда хоть бы и пуля, хоть бы и штык – не так больно, потому что кровь жарка, кровь, которую он, Джоби, помог разогреть. Если же кровь у воинов останется холодной, будет даже не побоище, а такое убийство, такой кошмар, такая мука, что страшно сказать и лучше не думать.

Генерал закончил и смолк, дал успокоиться дыханию. Потом, чуть погодя, добавил:

– Вот так-то, вот какое дело. Ну что, парень, поможешь мне? Понял теперь, что ты – командующий войском, когда генерал останется сзади?

Мальчик безмолвно кивнул.

– Поведешь их тогда вперед вместо меня?

– Да, сэр.

– Молодец. И глядишь, будь на то Божья воля, через много-много ночей, через много-много лет, когда тебе стукнет столько, сколько мне теперь, а то и намного больше, спросит тебя кто-нибудь, чем ты-то отличился в это грозное время, а ты и ответишь, смиренно и гордо: «Я был барабанщиком в битве у Совино ручья», или «на реке Теннесси», а может быть, битву назовут по здешней церкви. «Я был барабанщиком в битве при Шайлоу». А что, хорошо, звонко звучит, хоть мистеру Лонгфелло в стих. «Я был барабанщиком в битве при Шайлоу». Сгодится для любого, кто не знал тебя прежде, мальчик. И не знал, что ты думал в эту ночь и что будешь думать завтра или послезавтра, когда нам надо будет встать! И – марш вперед!

Генерал выпрямился.

– Ну ладно. Бог тебя благослови, парень. Доброй ночи.

– Доброй ночи, сэр.

И, унося с собой блеск латуни и начищенных сапог, запах табака, соленого пота и кожи, генерал пошел дальше по траве.

С минуту Джоби пристально глядел ему вслед, но не мог рассмотреть, куда он делся.

Мальчик глотнул. Вытер слезы. Откашлялся. Успокоился. И наконец медленно, твердой рукой повернул барабан ликом к небу.

Всю эту апрельскую ночь 1862 года поблизости от реки Теннесси, неподалеку от Совиного ручья, совсем близко от церкви под названием Шайлоу на барабан, осыпаясь, ложился персиковый цвет, и всякий раз мальчик слышал касание, легкий удар, тихий гром.

Ребятки! Выращивайте гигантские грибы у себя в подвалах!

Хью Фортнем проснулся и, лежа с закрытыми глазами, с наслаждением прислушивался к утренним субботним шумам.

Внизу шкварчал бекон на сковородке; это Синтия будит его не криком, а милым ароматом из кухни.

По ту сторону холла Том взаправду принимал душ.

Но чей это голос, перекрывая жужжание шмелей и шорох стрекоз, спозаранку честит погоду, эпоху и злодейку судьбу? Никак соседка, миссис Гудбоди? Конечно же. Христианнейшая душа в теле великанши – шесть футов без каблуков, чудесная садовница, диетврач и городской философ восьмидесяти лет от роду.

Хью приподнялся, отодвинул занавеску и высунулся из окна как раз тогда, когда она громко приговаривала:

– Вот вам! Получайте! Что, не нравится? Ха!

– Доброй субботы, миссис Гудбоди!

Старуха замерла в облаках жидкости против вредителей, которую она распыляла с помощью насоса в виде гигантского ружья.

– Глупости говорите! – крикнула она в ответ. – Чего тут доброго с этими козявками-злыдняшками. Поналезли всякие!

– И какие на этот раз?

– Не хочу кричать, чтобы какая-нибудь сорока не услышала, но... – Тут соседка подозрительно огляделась и понизила голос: – К вашему сведению: в данный момент я стою на первой линии огня и защищаю человечество от вторжения летающих тарелок.

– Замечательно, – отозвался Фортнем. – Недаром столько разговоров, что инопланетяне придут чуть ли не со дня на день.

– Они уже здесь! – Миссис Гудбоди послала на растения новое облако отравы, норовя обрызгать нижнюю поверхность листьев. – Вот вам! Вот вам!

Фортнем убрал голову из окна. Несмотря на приятную свежесть денька, прекрасное поначалу настроение было слегка подпорчено. Бедняжка миссис Гудбоди! Обычно такая образцово разумная. И вдруг такое! Не иначе как возраст берет свое.

В дверь кто-то позвонил.

Он схватил халат и, еще спускаясь с лестницы, услышал незнакомый голос: «Срочная доставка. Дом Фортнемов?» Затем он увидел, как Синтия возвращается от двери с небольшим пакетом в руке.

– Срочная доставка – пакет авиапочтой для нашего сына.

Тому хватило секунды, чтобы оказаться на первом этаже.

– Ух ты! Наверняка из ботанического сада в Грейт-Байю, где культивируют новые виды растений.

– Мне бы так радоваться заурядной посылке! – сказал Фортнем.

– Заурядной? – Том мигом порвал бечевку и теперь лихорадочно сдирал оберточную бумагу. – Ты что, не читаешь последние страницы «Популярной механики»? Ага, вот они!

Все трое смотрели внутрь небольшой коробочки.

– Ну, – сказал Фортнем, – и что это такое?

– Сверхгигантские грибы Сильвана Глейда. «Стопроцентная гарантия стремительного роста. Выращивайте их в своем подвале и гребите деньги лопатой!»

– А-а, разумеется! – воскликнул Фортнем. – Как я, дурак, сразу не сообразил!

– Вот эти вот фигурочки? – удивилась Синтия, щурясь на содержимое коробочки.
– «За двадцать четыре часа достигают невероятных размеров, – шпарил Том по памяти. – Посадите их у себя в подвале...»
Фортнем переглянулся с женой.
– Что ж, – промолвила она, – это по крайней мере лучше, чем жабы и зеленые змейки.
– Разумеется, лучше! – крикнул Том на бегу.
– Ах, Том, Том! – с легким упреком в голосе сказал Фортнем.
Сын даже приостановился у двери в подпол.
– В следующий раз, Том, – пояснил отец, – ограничивайся обычной бандеролью.
– Полный отпад! – сказал Том. – Они там чего-то перепутали и решили, что я какая-нибудь богатая фирма. Срочно, авиа, да еще с доставкой на дом – нормальному человеку это не по карману!
Подвальная дверь захлопнулась.
Слегка ошарашенный, Фортнем повертел в руках обертку посылки, потом бросил ее в корзину для мусора. По пути на кухню он не удержался и заглянул в подвал.
Том уже стоял на коленях и лопаткой взрыхлял землю.
Фортнем ощутил за спиной легкое дыхание жены. Через его плечо она вглядывалась в прохладный полумрак подвала.
– Надеюсь, это действительно съедобные грибы, а не какие-нибудь... поганки!
Фортнем крикнул со смехом:
– Доброго урожая, фермер!
Том поглядел вверх и помахал рукой.
Опять в распрекрасном настроении, Фортнем прикрыл подвальную дверь, подхватил жену под руку, и они направились в кухню.

Ближе к полудню по дороге к ближайшему супермаркету Фортнем заметил Роджера Уиллиса, тоже члена клуба деловых людей «Ротари», преподавателя биологии в городском университете. Тот стоял у обочины и отчаянно голосовал.
Фортнем остановил машину и открыл дверцу.
– Привет, Роджер, тебя подбросить?
Уиллис не заставил просить себя дважды, вскочил в машину и захлопнул дверь.
– Какая удача – ты-то мне и нужен. Который день собираюсь с тобой повидаться, да все откладываю. Тебе не трудно сделать доброе дело и минут на пять стать психиатром?
Фортнем изучающе покосился на приятеля. Машина катила вперед на средней скорости.
– Ладно. Выкладывай.
Уиллис откинулся на спинку кресла и сосредоточенно уставился на ногти своих рук.
– Погоди чуток. Веди машину и не обращай на меня внимания. Ага. Ну ладно. Вот что я тебе намеревался сказать: с этим миром что-то неладно.
Фортнем тихонько рассмеялся:
– А когда с ним было ладно?
– Да нет, я имею в виду... Странное что-то... небывалое... происходит.
– Миссис Гудбоди, – произнес Фортнем себе под нос – и осекся.
– При чем тут миссис Гудбоди?
– Сегодня утром она поведала мне о летающих тарелках.
– Нет. – Уиллис нервно куснул костяшку на указательном пальце. – Это не похоже на летающие тарелки. По крайней мере, мне так кажется. Интуиция – это, по-твоему, что?
– Осознанное понимание того, что долгое время оставалось подсознательным. Но только никому не цитируй это наскоро скроенное определение. В психиатрии я всего лишь любитель.
Фортнем снова рассмеялся.

– Хорошо-хорошо! – Уиллис отвернул про-светлевшее лицо и поудобнее устроился на сиденье. – Ты попал в самую точку! То, что накапливается на протяжении долгого времени. Копится, копится, а потом – бац, и ты выплюнул, хотя и не помнишь, как набиралась слюна. Или, скажем, руки у тебя грязные, а тебе невдомек, когда и где ты их успел перепачкать. Пыль ложится на предметы безостановочно, но мы ее не замечаем, пока не накопится много, и тогда мы говорим: фу-ты, какая грязь! По-моему, как раз это и есть интуиция. А теперь можно спросить: ну а на меня какая такая пыль садилась? То, что я видел по ночам сколько-то падающих метеоритов? Или наблюдения за странностями погоды по утрам? Понятия не имею. Может, какие-то краски, запахи, загадочные поскрипывания в доме в три часа ночи. Или то, как у меня почесываются волоски на руках? Словом, Господь один ведает, как накопилось столько пыли. Только в один прекрасный день я вдруг понял.

– Ясно, – несколько обеспокоенно сказал Фортнем. – Но что именно ты понял?

Уиллис не поднимал взгляда от своих рук, лежащих на коленях.

– Я испугался. Потом перестал бояться. Потом снова испугался – прямо среди бела дня. Доктор меня проверял. У меня с головой все в порядке. В семье никаких проблем. Мой Джо замечательный пацан, хороший сын. Дороти? Прекрасная женщина. Рядом с ней не страшно постареть и даже умереть.

– Ты счастливчик.

– Сейчас вся штука в том, что за фасадом моего счастья. А там я трясусь от страха – за себя, за свою семью... А в данный момент и за тебя.

– За меня? – удивился Фортнем.

Он припарковал машину на пустынной стоянке возле супермаркета. Какое-то время Фортнем в полном молчании смотрел на приятеля. В голосе Уиллиса было что-то такое, от чего мороз бежал по спине.

– Я за всех боюсь, – сказал Уиллис. – За твоих и моих друзей и за их друзей. И за всех прочих. Чертовски глупо, правда?

Уиллис открыл дверь, вышел из машины и потом нагнулся посмотреть в глаза Фортнему.

Тот понял: надо что-то сказать.

– И что нам в этой ситуации делать? – спросил он.

Уиллис метнул взгляд в сторону палящего солнца.

– Быть бдительными, – произнес он с расстановкой. – На протяжении нескольких дней внимательно приглядываться ко всему вокруг.

– Ко всему?

– Мы не используем и десятой части способностей, отпущенных нам Богом. Необходимо чутье слушать, зорче смотреть, больше принимать и тщательнее следить за вкусовыми ощущениями. Возможно, ветер как-то странно метет вон те семена на этой стоянке. Или что-то не в порядке с солнцем, которое торчит над телефонными проводами. А может, цикады в вязах поют не так, как положено. Нам следует хотя бы на несколько дней и ночей сосредоточиться по-настоящему – прислушиваться, и приглядываться, и сравнивать свои наблюдения.

– Хороший план, – шутливо сказал Фортнем, хотя на самом деле ощутил нешуточную тревогу. – Я обещаю отныне приглядываться к миру. Но чтобы не прозевать, мне надо хотя бы приблизительно знать, что именно я ищу.

С искренним простодушием глядя на него, Уиллис произнес:

– Если оно тебе попадется – ты не пропустишь. Сердце подскажет. В противном случае нам всем конец. Буквально всем. – Последнюю фразу он произнес с отрешенным спокойствием.

Фортнем захлопнул дверцу. Что сказать еще, он не знал. Только почувствовал, как краснеет.

Похоже, Уиллис уловил, что приятелю неловко.

– Хью, ты решил, что я... Что у меня крыша поехала?

– Ерунда, – чересчур поспешно отозвался Фортнем. – Ты просто перенервничал, вот и все. Тебе бы стоило недельку отдохнуть.

Уиллис согласно кивнул.

– Увидимся в понедельник вечером?

– Когда тебе удобно. Заглядывай к нам домой.

Уиллис двинулся через кое-где поросшую бурьяном стоянку к боковому входу в магазин.

Фортнем проводил его взглядом. Неожиданно расхотелось куда-нибудь трогаться отсюда. Фортнем поймал себя на том, что тишина давит на него и он дышит долгими глубокими вдохами.

Он облизал губы. Солёный привкус. Взгляд остановился на голом локте, выставленном в окно. Золотые волоски горели на солнце. На пустой стоянке ветер играл сам с собой. Фортнем высунулся из окна и посмотрел на солнце. Солнце посмотрело на него в ответ таким палящим взглядом, что он шустро втянул голову обратно. Громко выдохнув, вслух рассмеялся. И завел двигатель.

Кусочки льда мелодично позвякивали в живописно запотевшем стакане холодного лимонада, а сам сладкий напиток чуть кислил и доставлял подлинное наслаждение языку. Покачиваясь в сумерках в плетеном кресле на веранде, Фортнем смаковал лимонад, отпивая по маленькому глотку и закрывая глаза. Кузнечики стрекотали на газоне. Синтия, вязавшая в кресле напротив, с любопытством поглядывала на него; он чувствовал ее повышенное внимание.

– Что за мысли бродят у тебя в голове? – наконец спросила она напрямую.

– Синтия, – не открывая глаз, отозвался он вопросом на вопрос, – твоя интуиция не заржавела? Тебе не кажется, что погода предвещает землетрясение? И что все провалится в тартарары? Или что, к примеру, объявят войну? А может, все ограничится тем, что дельфиниум в нашем саду запаршивеет и погибнет?

– погоди, дай пощупаю свои косточки – что они подсказывают.

Он открыл глаза. Теперь наступил черед Синтии закрыть глаза и прислушаться к себе. Возложив руки на колени, она на время окаменела. Потом тряхнула головой и улыбнулась:

– Нет. Никакой войны не объявят. И ни один континент не канет в море. И даже парша не поразит наш дельфиниум. А почему ты, собственно, спрашиваешь?

– Сегодня я встретил уйму людей, предрекающих конец света. Если быть точным, то лишь двух, но...

Дверь на роликах с грохотом распахнулась. Фортнем так и привскочил, словно его ударили.

– Какого!..

На веранде появился Том с садовой корзинкой в руке.

– Извини, что побеспокоил, – сказал он. – Все в порядке, папа?

– В порядке. – Фортнем встал, довольный случаем размять ноги. – Что там у тебя – урожай?

Том с готовностью подошел поближе.

– Только часть. Так и прут – чокнуться можно! Всего каких-то семь часов плюс обильный полив, а поглядите, какие они вымахали! – Он поставил корзинку на стол перед родителями.

Урожай действительно впечатлял. Сотни небольших серовато-коричневых грибов торчали из кома влажной земли.

Фортнем изумленно ахнул. Синтия потянулась было к корзинке, но потом с нехорошим чувством отдернула руку.

– Не хочу портить вам радость, и все же... Вы совершенно уверены, что это грибы, а не что-то другое?

Том ответил ей оскорбленным взглядом:

– Чем я, по-твоему, собираюсь накормить вас? Бледными поганками?

– Да нет, мне просто почудилось, – поспешно сказала Синтия. – А как отличить грибы полезные от ядовитых?

– Съесть их, – отрезал Том. – Если останешься живым – значит, полезные. Если с копыт долой – значит, увы и ах. – Том расхохотался.

Фортнему шутка понравилась. Зато Синтия только заморгала и обиженно села в кресло.

– Лично мне они не по душе! – заявила она.

– Фу-ты ну-ты! – раздраженно передразнил Том, подхватывая корзинку. – Люди, кажется, тоже делятся на полезных и ядовитых.

Том зашаркал прочь. Отец счел нужным окликнуть его.

– Да ладно, проехали, – сказал Том. – Все почему-то думают, что их убудет, если они поддержат инициативного парнишку. Да провались оно пропадом!

Фортнем пошел в дом за Томом и видел, как тот остановился на пороге подвала, швырнул корзинку с грибами вниз, с силой захлопнул дверь и выбежал из дома через задний выход.

Фортнем оглянулся на жену, виновато отводящую глаза.

– Прости меня, – сказала она. – Уж не знаю, что меня за язык потянуло, но я не могла не высказать Тому свое мнение. Я...

Зазвонил телефон. У аппарата был длинный провод, поэтому Фортнем вышел с ним на веранду.

– Хью? – спросила Дороти Уиллис. В ее до странности усталом голосе слышались испуганные нотки. – Хью, Роджер не у вас?

– Нет, Дороти. Его здесь нет.

– Он ушел из дома! Забрал всю свою одежду из гардероба. – Она расплакалась.

– Дороти, не падай духом! Я буду у тебя через минуту.

– Да, мне нужна помощь. Помогите мне! Что-то нехорошее с ним случилось, я чувствую. – Снова всхлипы. – Если вы ничего не предпримете, мы его больше никогда не увидим живым!

Фортнем медленно положил трубку, до последнего момента полную горестных причитаний Дороти. Вечерний стрекот кузнечиков вдруг стал оглушительным. Фортнем ощутил, как волосы у него на голове встают дыбом – волосок за волоском, волосок за волоском.

На самом деле волосы на голове не способны становиться дыбом. Это только выражение такое. И очень глупое. В реальной жизни волосы не могут подняться сами собой.

Но его волосы это сделали – волосок за волоском, волосок за волоском.

Вся мужская одежда действительно исчезла из чуланчика-гардеробной. Фортнем в задумчивости погонял пустые проволочные вешалки туда-сюда по штанге, потом повернулся и выглянул наружу, где стояли Дороти Уиллис и ее сын Джо.

– Я просто шел мимо, – доложил Джо. – И вдруг вижу – гардероб пустой. Одежды отца как не бывало.

– Все было прекрасно, – сказала Дороти. – Жили душа в душу. Я просто не понимаю. Я просто не могу понять. Совершенно не могу! – Закрыв лицо ладонями, она опять разрыдалась.

Фортнем выбрался из гардеробной и спросил Джо:

– А ты слышал, когда отец уходил из дома?

– Мы с ним играли в мяч на заднем дворе. Папа говорит: я ненадолго зайду в дом. Сперва я поиграл сам, а после пошел за ним. А его и след простыл!

– Я думаю, – сказала Дороти, – он по-быстрому собрал вещи и ушел пешком. Если его где-то ждало такси, то не у дома – мы бы услышали звук отъезжающей машины.

Теперь все трое шли через холл.

– Я проверю вокзал и аэропорт, – сказал Фортнем. – И вот еще... Дороти, в семье Роджера никто, часом, не...

– Нет, это не приступ безумия, – решительно возразила Дороти. Потом куда менее уверенно добавила: – У меня такое странное чувство, будто его украли.

Фортнем отрицательно мотнул головой:

– Это против здравого смысла. Собрать вещи и выйти навстречу своим похитителям!

Приоткрыв входную дверь, словно она хотела пустить в дом вечерний сумрак или ночной ветер, Дороти обернулась и обвела взглядом весь нижний этаж.

– Это похищение, – медленно произнесла она. – Они каким-то образом проникли в дом. И выкрали его у нас из-под носа. – Она помолчала и добавила: – Что-то страшное уже случилось.

Фортнем вышел на улицу и замер среди стрекота кузнечиков и шороха листьев. Прорицатели конца света, подумал он, свое слово сказали. Сперва миссис Гудбоди, затем Роджер. А теперь их компания пополнилась женой Роджера. Что-то страшное уже случилось. Но что именно, черт возьми? И почему?

Он оглянулся на Дороти и ее сына. Джо моргал, сгоняя слезы на щеки. Потом медленно повернулся, прошел через холл, остановился у входа в подвал и взялся за ручку двери.

Веки Фортнема дернулись, зрачки сузились, словно он пытался вспомнить какую-то картинку.

Джо распахнул дверь, начал спускаться по лестнице вниз и наконец пропал из виду. Дверь за ним медленно прихлопнулась сама собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.